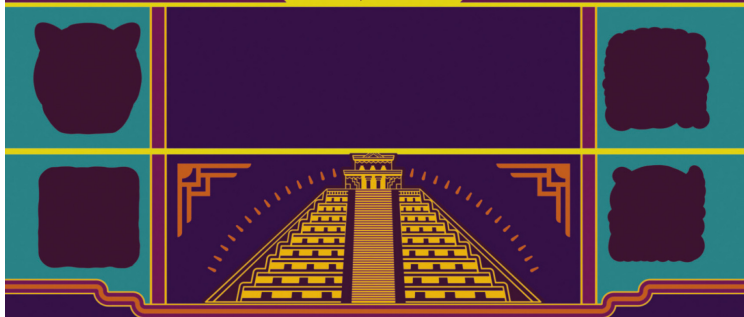

И

СИЛЬВИЯ МОРЕНО-ГАРСИА

Сильвия Морено-Гарсиа

Боги нефрита и тени

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66878973

С. Морено-Гарсиа. Боги нефрита и тени: ООО Группа Компаний

«РИПОЛ классик»; Москва; 2021

ISBN 978-5-386-13981-0

Аннотация

Вас ждет история о Владыках смерти, живущих глубоко в недрах земли. Она – о потерянном троне, о жажде приключений, о чудовищах и магии.

Чтобы узнать ее, нам предстоит отправиться в царство теней, Шибальбу.

Мы спустимся во тьму, где обитают повелители смерти. Это они насылают на людей болезни и несчастья.

Но наш рассказ начнется в Срединном мире, в землях смертных, где произрастает кукуруза и светит солнце.

Все начнется с женщины, потому что это ее история. А дальше...

Впрочем, пусть все будет по порядку.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	36
Глава 4	42
Глава 5	60
Глава 6	71
Глава 7	82
Глава 8	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Сильвия Морено-Гарсиа

Боги нефрита и тени

Silvia Moreno-Garcia

Gods of Jade and Shadow

© 2019 by Silvia Moreno-Garcia. This translation is published by arrangement with Del Rey, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC

© Сибуль Е. А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

* * *

*Но повелители желали, чтобы их имена не были
известны.
«Пополь-Вух», книга-эпос мезоамериканской
культуры*

Пролог

Вас ждет история о Владыках смерти, живущих глубоко в недрах земли. Она – о потерянном троне, о жажде приключений, о чудовищах и магии.

Чтобы узнать ее, нам предстоит отправиться в царство теней, Шибальбу.

Мы спустимся во тьму, где обитают повелители смерти. Это они насылают на людей болезни и несчастья.

Но наш рассказ начнется в Срединном мире, в землях смертных, где произрастает кукуруза и светит солнце.

Все начнется с женщины, потому что это ее история. А дальше...

Впрочем, пусть все будет по порядку.

Глава 1

Некоторые рождаются под счастливой звездой, но другим не так везет, и все их несчастья навязаны расположением планет. Кассиопея Тун, названная в честь созвездия в полосе Млечного Пути, – казалось бы, звучит многообещающе, – родилась под гнилой звездой. Восемнадцать лет, денег нет, и она никогда не выбиралась за пределы Уукумиле, пыльного городка, где солнце безжалостно выжигало все мечты. Кассиопея осознавала, что многие прозябают в таких же унылых городках. Однако она сомневалась, что этим другим приходится жить в настоящем аду, а именно такой и была ее жизнь в доме дедушки Сирило Лейвы.

Сирило был человеком угрюмым, и в его иссохшем теле содержалось больше яда, чем в жале белого скорпиона. Кассиопея ухаживала за ним: готовила еду, стирала и гладила одежду, расчесывала редкие волосы. Дед был все еще достаточно сильный, чтобы стукнуть ее тростью по голове, когда ему захочется, и мог потребовать принести стакан воды или тапочки посреди ночи, а ее тети, кузены и кузины находили для нее другие поручения: вымыть полы, вытереть пыль в гостиной, да мало ли что еще.

– Делай, как говорят. Нельзя, чтобы нас посчитали на хлебниками, – наставляла мама Кассиопеи.

Девушка проглатывала гневный ответ, который конечно

же был наготове. Нет никакого смысла обсуждать с мамой дурное обращение, ведь у той всегда был один совет: «Молись Богу».

В возрасте десяти лет Кассиопея усердно молилась, чтобы ее кузен Мартин отправился жить в другой город, подальше от нее, но к восемнадцати годам она поняла, что если Бог и существует, ему на нее точно наплевать. Что этот Бог для нее сделал? Забрал отца? Тихого клерка, любителя поэзии, навсегда очарованного мифологией майя и греков и умевшего рассказывать истории на ночь. Однажды утром его сердце просто остановилось, словно плохо заведенные часы. После его смерти Кассиопее с матерью пришлось собрать вещи и отправиться в дом бабушки. Семья мамы была щедра, если понимать под щедростью работу, к которой их немедленно привлекли, в то время как все остальные домочадцы бездельничали.

Если бы Кассиопея была склонна к романтике, как ее отец, возможно, она бы представила себя Золушкой. Но хотя девушка и дорожила старыми книгами отца, и особенно сонетами Кеведо, являющимися источником эмоций для юных сердец, она решила, что глупо олицетворять себя с замарашкой. В конце концов бабушка, изводивший ее, пообещал, что после его смерти она унаследует некоторую сумму денег, достаточную, чтобы переехать в Мериду.

Атлас демонстрировал ей расстояние между городами. Кассиопея измеряла его кончиками пальцев.

Когда-нибудь...

А пока что она жила в доме Сирило. Вставала рано и сразу же принималась за работу, отправив подальше нетерпеливые мысли.

Тем днем ей доверили мыть пол в коридоре, и она этому обрадовалась – по крайней мере можно будет узнать о состоянии дедушки. Сирило на глазах сдавал, и родственники считали, что он не переживет осень. Его пришел навестить врач и сейчас разговаривал с тетками – их голоса доносились из гостиной, сопровождаемые звоном изящных фарфоровых чашечек. Кассиопея двигала щеткой по красным плиткам, пытаясь не упустить нить разговора. С ее стороны было бы наивно полагать, что хоть кто-то расскажет о том, что происходит в доме: родственники не тратили время на общение с ней – коротко отдавали приказы, и только.

Вдруг перед ее ведром остановилось два блестящих ботинка. Кассиопее не нужно было поднимать взгляд, чтобы понять: это Мартин. Ей ли не знать его обувь.

Мартин был юной копией дедушки. Широкоплечий, жилистый с сильными накаченными руками, наносящими мощные удары. Девушке нравилось думать, что, когда Мартин постареет, он станет таким же, как Сирило сейчас – уродливой, покрытой пятнами беззубой развалиной.

– Ну вот ты где. Мама сходит с ума, ищет тебя, – сказал парень; по привычке он говорил с ней, глядя в сторону.

– А что такое? – спросила она.

– Хочет, чтобы ты сходила к мяснику. Глупый старикашка требует хорошую говяжью вырезку на ужин. И по дороге купи мне сигареты.

– Ладно, – кивнула Кассиопея. – Пойду переоденусь.

Она была без чулок, в потрепанной юбке. Не мыть же полы в приличной одежде.

– Переоденешься? Зачем? Только время терять. Отправляйся сейчас же.

– Мартин, я не могу так пойти...

– Иди, я сказал!

Кассиопея была практичной девушкой. Она посмотрела на кузена, раздумывая, стоит ли препираться. Пожалуй, нет. Мартин просто ударит ее, и она ничего не добьется. По его лицу было видно, что он только что с кем-то поссорился и теперь вымещал злобу на ней.

– Хорошо, хорошо, – сказала она примирительно.

Мартин выглядел разочарованным – он жаждал потасовки. Сунул ей деньги, и девушка отправилась выполнять поручение, даже не замотав шаль вокруг головы.

В то время как большинство женщин в мире стригли волосы вызывающе коротко и танцевали чарльстон, Укумиле оставался местом, где выходить в город без шали было довольно смело. В 1922 году губернатор Юкатана Фелипе Каррильо Пуэрто объявил, что женщины могут голосовать. Но в 1924 году его застрелили – именно этого и стоит ждать, когда губернаторы за просто разговоривают на языке майя и не

прислушиваются к правильным людям, стоящим у власти. И как только его застрелили, эту привилегию у женщин забрали. Вот еще – голосовать! Не то чтобы это имело значение в Укумиле. На дворе 1927 год, но казалось, будто 1806-й. Революция прошла, но город нисколько не изменился. В нем не было ничего особенного, кроме скромной каменоломни, где добывали *sascab*¹, использующийся на всякие строительные нужды. Говорят, неподалеку когда-то находилась плантация юкатанской конопли, но Кассиопея мало что знала об этом, ведь ее дедушка не был *hacendado*². Деньги ему приносили доходные дома, которыми он владел в Мериде. Золото? Это вряд ли, скорее всего, это были просто разговоры.

Предполагалось, что страна после Революции, – а она растянулась на целое десятилетие³ и была богата на события, – станет светской, и это красиво было написано на бумаге, но на деле до этого было далеко. Каждый раз, когда государство пыталось ограничить религиозную деятельность, в сердце Мексики вспыхивало восстание кристерос⁴. Вот и в

¹ Розово-белый известняковый песок с крупными включениями.

² Землевладелец, помещик (*исп.*).

³ Мексиканская революция развивалась в 1910–1917 годах и закончилась принятием конституции, но некоторые исследователи называют датой ее окончания 1920 год, когда прекратились (на время) кровавые стычки между разными лагерями.

⁴ От испанского *Cristo* – Христос. Столкновения между федеральными силами и повстанцами кристерос, боровшимися против положений Конституции 1917 года, направленных на ограничение роли Римско-католической церкви в стране.

этом феврале все священники в Гуанахуато и Халиско были задержаны за подстрекательство выступить против антикаатолических мер, продвигаемых президентом. Однако в Юкатане было относительно тихо, пламя борьбы здесь не разгоралось так, как в других городах. Юкатан всегда был слегка в стороне, он был как остров, пусть даже атлас и уверял Кассиопею, что она живет на полуострове, отделяющем Мексиканский залив от Карибского моря. Так что совсем не удивительно, что в ленивом Укумиле крепко держались за традиции. А их священник становился все ревностнее в том, что касалось морали. На каждую женщину в городе он смотрел с подозрением. Любое нарушение приличий фиксировалось. А как иначе? Женщины, они ведь произошли от Евы, слабой и грешной, съевшей запретное яблоко. Разве можно им доверять?

Если бы падре увидел Кассиопею сейчас, он бы схватил ее за руку и потащил обратно домой. А то бы и ударил. Но удар святого отца не такой сильный, как у Мартина, так что можно потерпеть.

Кассиопея медленно шла к городской площади, где стояла церковь. Мартин подождет со своими сигаретами. На площади теснились магазинчики: мясная лавка, галантерея со всякой всячиной и аптека; здесь же располагался кабинет городского врача. Небогато, но Кассиопея осознавала, что в Мексике полно городков, где и такого нет. И все равно она чувствовала неудовлетворение. Ее отец был родом из Мерида;

когда женился, забрал туда маму, и там родилась Кассиопея. Она всегда думала, что это ее дом. Ну или в *любом другом месте*, не здесь. Здесь руки ее огрубели и стали некрасивыми от стирки белья в каменной *lavadero*⁵, но хуже всего приходилось ее душе. Она мечтала о глотке свободы.

Знала точно – есть другая жизнь. В ней нет места умирающему деду, который подчинил своим прихотям весь дом, и высокомерным родственникам. Зато есть место роскошным автомобилям – как же ей хотелось проехаться хотя бы на одном таком! – вызывающим красивым платьям, танцам, танцам, танцам... и виду на Тихий океан ночью, совсем как на открытке, которую она украла на почте. Открытку она положила под подушку, и ночью ей снилось, как она купается под звездами, а потом танцует в платье с блестками.

Иногда она представляла красивого мужчину, который ведет ее в танце. Она вырезала из газет фотографии кинозвезд и складывала их в жестяную банку из-под печенья, в которой хранила все свои драгоценности. Ее воображаемый партнер был точь-в-точь как все эти красавчики, даже лучше. И несмотря на то, что сны у нее были очень яркими, она никогда не присоединялась к веселому перешептыванию кузин, рассказывающих о своих снах. Нет уж, лучше держать рот на замке, а фотографии в банке.

Кассиопея купила все необходимое и неохотно поплелась домой. Дом деда, окрашенный желтой краской, с узорчаты-

⁵ Мойка (*исп.*).

ми решетками на окнах, был лучшим в городе. Дед гордился им, говорил, что он даже лучше, чем усадьба в Эль-Принципо, знаменитом поместье неподалеку от городка. Оно не принадлежало деду, и иногда Кассиопея думала, что он просто завидует.

Но дом хорош, тут ничего не скажешь. И снаружи, и внутри. Имея такие деньги, Сирило Лейва мог бы содержать семью в Мериде, но Кассиопея подозревала, что деду просто нравилось бахвалиться богатством перед людьми, рядом с которыми он рос.

Сама же Кассиопея хотела сбежать отсюда.

Какой красивый желтый дом!

И как она его ненавидела.

Девушка стерла капли пота с верхней губы. Было такое чувство, что ее поджаривают. Нужно было все-таки захватить шаль, чтобы защитить лицо от солнца. Но несмотря на жару, она уселась под померанцем, прежде чем зайти в дом. Закрыла глаза и ощутила запах соли. Запах соли всегда был рядом. Ей это нравилось, и, наверное, она будет скучать по нему, если когда-нибудь поселится далеко от побережья, в глубине материка. Ну и пусть, она была готова на такую жертву.

Понимая, что больше оттягивать нельзя, Кассиопея пересекла внутренний дворик и прошла на кухню. Там она застала маму. Мама резала чеснок и разговаривала со служанками. Ей пришлось отрабатывать свое проживание в доме от-

ца, занимаясь готовкой. Старику нравились ее кулинарные способности, но в другом дочь его разочаровала. То, что она вышла замуж за смуглого парня и произвела на свет такую же смуглую дочь, – это было достойно сожаления. Кассиопея предпочитала проводить время рядом с матерью, помогая ей понемногу. Но когда ей исполнилось тринадцать, она ударила Мартина палкой за оскорбление отца. С тех пор родственнички заставляли ее выполнять работу потяжелее, чтобы научить смирению.

Она налила себе кофе и отрезала кусок белого соленого хлеба *bolillo*. Как только мясо поджарилось, понесла его в комнату деда.

Сирило жил в самой большой комнате. Здесь было *роскошно*: тяжелая мебель из красного дерева, пол выложен импортной плиткой, а на стенах цвели узоры из лоз и фруктов, нанесенные вручную. Большую часть дня дед проводил в чудовищной чугунной кровати – он буквально утопал в огромном количестве подушек. У изножья кровати стоял массивный сундук – Кассиопея ни разу не видела его открытым. На нем было единственное изображение – обезглавленный мужчина. Достаточно распространенный мотив у майя: *к'ун кааль* – перерезание горла. На стенах старых храмов брызги крови обезглавленных жертв тщательно выписывались, но здесь никаких брызг – только изгибающийся хребет и голова, падающая вниз.

В детстве Кассиопея спрашивала дедушку об этом сунду-

ке и этой фигуре. Ей казалось странным присутствие в комнате такого предмета, учитывая, что дед не интересовался искусством майя. Но он сказал ей не лезть не в свое дело. Ключ от сундука он хранил на золотой цепочке на шее. Цепочку снимал, только когда принимал ванну или ходил в церковь, поскольку священник строго-настрого запрещал украшения.

Кассиопея поставила поднос на стол. Дед с кряхтением поднялся с кровати и уселся ужинать. Проворчал, что соли многовато, но орать не стал. А то ведь мог завопить так, что воздух бы задрожал.

– Принесла газету? – спросил он. Сегодня была пятница. Один из двух дней в неделю, когда поезд останавливался у них в городке и привозил прессу из Мерида.

– Да, – ответила Кассиопея.

– Читай.

Она начала читать. Время от времени дед махал рукой, что служило сигналом остановиться и переключиться на другую новость. Кассиопея сомневалась, что ее дед так уж интересовался новостями – скорее, ему просто нравилась компания, хотя он никогда не скажет об этом.

Когда ему надоело слушать, он ее отпустил.

– Говорили, ты сегодня была груба с Мартином, – заметила мать, когда они готовились ко сну. У них была крохотная комната, куда едва втиснулись две кровати; из украшений – растение в кашпо из макраме и потрескавшееся изображение

ние Девы Марии Гваделупской. А ведь ее мать в детстве была самым любимым ребенком Сирило.

– Да? И кто же это сказал?

– Твоя тетя Люсинда.

– Ее там не было. К тому же он первым начал, – запротестовала Кассиопея.

Мама вздохнула.

– Кассиопея, ты же знаешь, как обстоят дела.

Она принялась расчесывать ей волосы. Густые, черные, совершенно прямые, длиной до поясницы. Днем Кассиопея заплетала их в косу, а чтобы пряди не падали на лицо, смазывала их вазелином. Но ночью всегда распускала, чтобы дать голове отдохнуть.

– Мартин – свинья, и дедушка никак его не сдерживает. Он еще хуже Мартина, скупой плешивый старик!

– Ты не должна так говорить. Благовоспитанная девушка обязана следить за своим языком, – мягко пожурила мама.

Благовоспитанная... Ее тетки, кузены и кузины были благовоспитанными. Мама тоже была благовоспитанной женщиной. А Кассиопея – просто бедная родственница, по крайней мере, к ней так относились.

– Мне иногда хочется волосы на себе рвать из-за того, как они со мной говорят, – призналась девушка.

– Волосы-то у тебя такие красивые, – сказала мама, опуская расческу на столик. – К тому же злость отравит только тебя, но не их.

Кассиопея прикусила нижнюю губу. И как это у мамы хватило смелости выйти замуж за отца, несмотря на протесты семьи? Правда, Мартин нашептал ей, будто свадьба состоялась, потому что мать забеременела. А раз так – Кассиопея незаконнорожденный ребенок, дочь липового Принца-Бедняка. За эти слова она и ударила его палкой, оставив шрам на лбу. Такое унижение Мартин, конечно, никогда не простит. А она никогда не забудет свой триумф.

– Ты прочитала то, что я пометила для тебя?

– Ох, мама, какая разница, что я читаю и читаю ли вообще! – раздраженно ответила Кассиопея.

– Разница есть.

– Я все равно не попаду туда, где это будет иметь значение.

– Ты не можешь знать наверняка. Твой дед сказал, что после его смерти мы с тобой получим по тысяче песо, – напомнила мать.

В Мехико работник приличного магазина получал пять песо в день, но в сельской местности – половину этой суммы или того меньше. С тысячей песо можно жить в Мериде целый год и не работать.

– Знаю, – вздохнула девушка.

– Даже если он не отдаст нам все эти деньги, у меня есть сбережения. Песо тут и там, может, мы что-нибудь придумаем для тебя. Как только станешь старше, через год или два, подумаем о Мериде.

Целая вечность... И не факт, что это произойдет...

– Бог видит твоё сердце, Кассиопея, – улыбнулась мать. – Это доброе сердце.

Кассиопея опустила взгляд. На самом деле её сердце бурлило как вулкан, а в животе давно уже завязался узел неприязни ко всем живущим в этом доме.

– Ну, давай обнимемся, – сказала мама.

Девушка повиновалась, но это не принесло утешения, как раньше, в детстве.

– Ничто никогда не меняется, – вздохнула она.

– А что бы ты хотела изменить?

«Все», – подумала Кассиопея, но вместо этого просто пожала плечами. Было бессмысленно все это обсуждать. Наступит новый день, и все пойдет по накатанной. Сделай то, сделай это, дедушка будет просить почитать, кузены и кузины будут издеваться. Она крутится на месте. Весь мир был серым, ни намека на цвет.

Глава 2

Земля Юкатана, черная и красная, лежит на пласте известняка. Известняк – мягкая порода, и у самого океана берег становится неровным и обрывистым. На севере полуострова нет рек, разве что ручейки, но они не в счет. Зато здесь полно пещер и карстовых воронок, а дождевая вода образует многочисленные сеноты⁶. Там, под землей, в крошечной темноте, реки текут, но знают о них лишь немногие. Вода в этих реках солоноватая, и в ней живут слепые рыбы с острыми зубами.

Некоторые сеноты когда-то были ритуальными, жрецы кидали в них золото и драгоценности, чтобы умиловать богов. Но самая лучшая жертва – кровь, и на нее не скупилась. По слухам, один из сенотов, что рядом с Майяпаном, охранялся пернатым змеем, пожирающим детей. Все сеноты соединялись с Подземным миром Шибальбы, а некоторые являлись *сухуи йа* – местом, где можно собрать девственно чистую воду.

Рядом с Укумиле было несколько сенотов, и один из них, находившийся подальше, в часе езды на повозке, запряженной мулами, как считалось, обладал целебными свойствами. Раз в месяц Сирило заставлял отвозить его туда, чтобы он

⁶ Сенот – форма карстового рельефа, естественный провал, образованный при обрушении известняковой пещеры.

мог погрузиться в воды сенота, надеясь тем самым продлить свою жизнь. На одну повозку закидывали матрас, чтобы старику было удобно, на другие ставили корзины с продуктами, потому что поездка была на целый день. После ванн Сирило обычно спал, и только когда солнце немного опускалось и становилось прохладнее, они собирались домой.

Для Кассиопеи эта ежемесячная поездка была одной из редких возможностей передохнуть от работы, и даже компания родственников ее не смущала. День радости. Она ждала его с энтузиазмом ребенка, предвкушающего Рождество.

Находясь дома, Сирило не особо следил за своим внешним видом. Зачем ему одеваться, если большую часть дня он проводил в кровати? Ночная рубашка, халат – этого достаточно. Но по случаю поездки к сеноту, как и при еженедельном посещении церкви, он надевал костюм и шляпу. Накануне Кассиопея чистила сюртук, стирала, крахмалила и гладила рубашку. Они выезжали из дома очень рано, а значит, к поездке к сеноту надо было готовиться за день или за два.

В этот раз она управилась быстро и теперь сидела посреди патио, радуящего глаз зеленью в больших горшках и приятным фонтанчиком. В клетках пели канарейки, и гармонию нарушали только резкие крики попугая. Злобная птица! Как-то в детстве Кассиопея попыталась покормить его арахисом, и он укусил ее за палец. И еще попугай говорил всякие плохие слова, научившись у слуг и кузена Мартина.

Кассиопея напевала под нос, натирая ботинки дедушки,

которые и без того были чистые. Все остальные в доме спали, сморенные жарой. Девушка тоже собиралась пойти к себе, чтобы немного почитать. Книги она брала у деда. Самого старика книги не интересовали, но для солидности он купил несколько массивных шкафов и наполнил их толстыми томами в кожаных переплетах. Кассиопея убедила его купить побольше книг по астрономии и несколько томиков поэзии. Сказала, что это *престижно*. В любом случае, дед не читал корешки. В хорошие дни, когда работы было немного, девушка могла сидеть в своей комнате и листать страницы, иногда отрываясь от них, чтобы помечтать.

Попугай бросил скабрешное словцо, и Кассиопея увидела, что через дворик к ней направляется Мартин. Она сразу же почувствовала раздражение, но постаралась не показывать виду. Ее пальцы сжали тряпку, которой она полировала ботинки. И чего ему не спится, как остальным?

Мартин усмехнулся.

– Я собирался пойти к тебе и разбудить, но ты сэкономила мне время, – сказал он.

– Что тебе нужно? – не совладав с собой, резко ответила девушка.

– Старик просит, чтобы ты напомнила парикмахеру прийти вечером и подровнять ему волосы.

– Я уже напомнила утром.

Мартин курил и теперь выпустил облачко дыма чуть ли не ей в лицо. Кожа у него была бледной, как у *истинного евро-*

пейца, чем так гордилась семья, а волосы слегка вились. Рыжеватым цветом кудряшек он был обязан матери. Говорили, что он хорош собой, но Кассиопея не замечала особой красоты в его кислом лице.

– У тебя хорошо получается, – сказал он, кивнув на ботинки. – Почему б тебе и мои не почистить? Принеси их из моей комнаты.

Ах вот как... Она не обязана обслуживать Мартина. В доме есть служанки, которые могут вычистить его обувь, если уж сам он не знает, как набирать ваксу на щетку. Но тут дело в другом – он просто хочет вывести ее из себя.

Ей не стоило глотать наживку, но Кассиопея не могла справиться с яростью, поднимающейся к горлу. Мартин уже несколько дней донимал ее, начиная с того момента, когда отправил в город за мясом. Да что там несколько дней – такова была его тактика: изнурить ее до крайности.

– Займись твоими ботинками позже, – выплюнула она. – А теперь оставь меня в покое.

Нужно было просто сказать «да», и причем тихо, но Мартин сразу почувял кровь.

Нагнулся, протянул руку и крепко схватил ее за подбородок.

– Дерзишь мне, да? Гордая кузина...

Он отпустил ее, достал из кармана платок и вытер руки, словно прикосновение испачкало его. У Кассиопеи руки были перемазаны ваксой, может, и на лицо попало, но она по-

нимала, что дело вовсе не в этом.

– Ведешь себя так, будто тебе есть чем гордиться, – продолжил кузен. – Твоя мать когда-то, может, и была любимицей старика, но потом сбежала и разрушила свою жизнь. А ты ходишь по дому как принцесса. Почему? Может, твой отец рассказал тебе историю, будто ты из царского рода майя? Уж не потому ли он назвал тебя в честь какой-то дурацкой звезды?

– Созвездия, – поправила Кассиопея. Она не добавила «тупица», хотя язык чесался, но в голосе все равно слышались вызов.

Нужно было все так и оставить. Лицо Мартина и так уже вспыхнуло от гнева. Он ненавидел, когда его прерывают. Но девушка не могла остановиться.

– Может, мой отец и не был богачом, но он заслужил уважение. И когда я покину это место, я стану человеком, достойным уважения, как и он. А ты никогда таким не станешь, Мартин, сколько бы ни пытался.

Мартин дернул ее за руку, поднимая на ноги, но вместо того чтобы уклониться от неминуемого удара, Кассиопея не мигая уставилась на кузена. Она уже знала – попытки увернуться не помогают.

Однако Мартин не ударил ее, и это напугало. Ярость еще как-то можно перенести, а так... кто его знает, что он задумал.

– Думаешь, что уедешь куда-то, да? Небось, в столицу на-

мылилась? И на какие деньги? Или ты думаешь, что старик оставит тебе тысячу песо, про которые он так любит говорить? Я видел его завещание, там ни слова о тебе.

– Ты лжешь.

– Мне нет необходимости лгать. Спроси деда сама.

Кассиопея поняла, что это правда, – это было написано на его лице. К тому же тупому Мартину не хватило бы воображения, чтобы сочинить такую ложь. Она сделала шаг назад и сглотнула – в горле пересохло, как будто наждачкой прошлись. Эти фотографии под подушкой – автомобили, красотишки в умопомрачительных платьях, пляжи с белоснежным песком... Все эти годы она убеждала себя в том, что у ее истории будет счастливый конец. Теперь она не была в этом уверена.

Мартин ухмыльнулся и снова заговорил:

– Когда старик умрет, ты перейдешь под мое попечительство. Не хочешь почистить мои ботинки, и не надо. Скоро у тебя будет возможность делать это каждый день весь остаток жизни.

Он ушел, а Кассиопея снова села. Только теперь она ничем не занималась. На земле, медленно угасая, лежала сигарета Мартина.

Дело на этом не закончилось. Вечером, когда они с матерью собирались спать, та ей сказала:

– Сирило распорядился, чтобы ты завтра осталась дома. Пока нас не будет, посмотри его рубашки, там кое-что нужно

подштопать.

– Это все из-за Мартина, да? – догадалась Кассиопея.

– Да.

Девушка фыркнула.

– Хоть бы когда-нибудь ты заступилась за меня! Иногда мне кажется, что у тебя нет гордости. Почему ты позволяешь им топтаться по нам?

Мать замерла с расческой в руках. Кассиопея видела ее отражение в зеркале: бесцветные губы скорбно опущены, морщины на лбу. Она не была старой, но сейчас казалась старухой.

– Когда-нибудь ты поймешь, что значит идти на жертвы, девочка моя. – Это прозвучало совсем тихо.

Кассиопея вспомнила тяжелые месяцы после смерти отца. Мама пыталась заработать им на жизнь, плетя макраме, но денег не хватало. Она стала распродавать ценные вещи, и к лету большей части их мебели и одежды уже не осталось. Потом мама заложила обручальное кольцо... Кассиопея устыдилась своих слов – матери было сложно вернуться в Укумиле к отцу, который не простил ей брака.

– Мама, – сказала она. – Мне жаль...

– Для меня это сложная ситуация, Кассиопея.

– Да, я понимаю... Но Мартин... Откуда в нем столько злобы? Иногда мне хочется, чтобы он упал в колодец и сломал шею.

– Твоя жизнь станет от этого счастливее, дочь? Работа ста-

нет легче, и ты быстрее будешь справляться с ней?

Кассиопея покачала головой и села на стул. Мама принялась нежно расчесывать ее волосы.

– Это нечестно. У Мартина есть все, а у нас ничего, – нахмурилась девушка.

– Что же такого у него есть?

– Ну... деньги, и хорошая одежда... и он может делать все, что захочет.

– А тебе не кажется, что Мартин такой ужасный человек, потому что ему все дозволено?

– Если бы я выросла при таких деньгах, уверена, я бы не испортилась.

– Ты была бы совсем другим человеком, дорогая.

Кассиопея не стала спорить. Бесполезно. От мамы можно услышать только банальности, а как действовать, она никогда не подскажет. Ее не берут в сенот? Ну и ладно. Как-нибудь она это переживет.

Когда на следующее утро семья уехала, Кассиопея пошла в комнату деда и села на край кровати. На стуле лежали вытащенные из комода рубашки. Она принесла с собой набор для шитья, но ей не хотелось сейчас ничем заниматься. Душила обида. Она вытащила из корзинки моток ниток и швырнула в зеркало. Глупо, конечно, но хоть так можно дать выход эмоциям.

Что-то лязгнуло, упав с подзеркального столика. Ключ. Ключ ее деда, который он обычно носил на шее. Дед уехал

в сенот и оставил его дома.

Кассиопея встала, подняла ключ и перевела взгляд на сундук.

Ни разу она не видела его открытым. Что бы там ни лежало – золото или деньги, это, должно быть, большая ценность.

Кассиопея вспомнила слова Мартина, что дед не собирался ей ничего оставлять. Она никогда ничего не крада в этом доме – глупо и опасно, все равно заметят. Но сундук... Уж наверняка дед не открывает его каждый день. Если там золотые монетки, заметит ли он отсутствие нескольких из них? А если она заберет *все*, кто ей помешает сбежать с сокровищами?..

Мысли были грешные, но Кассиопея не была святой, и каждый упрек проделывал маленькую дырочку в ее душе. А сколько их было, таких упреков...

Если бы день не был таким жарким, может, она бы удержалась от искушения. Но даже послушная собака иногда кусает хозяина за ногу. Она сделала шаг по направлению к сундуку. Если там действительно золото, тогда гори все огнем, она сбежит из этого гнилого места. А если сундук набит изъеденным молью тряпьем, ну что же... по крайней мере она просто удовлетворит любопытство.

Кассиопея встала на колени перед сундуком. Сундук как сундук, с ручками по бокам, позволяющими его нести. На крышке изображение обезглавленного человека. Проведя рукой по поверхности, Кассиопея почувствовала ладонью

узор, который под краской не был виден. Провела еще раз, но так и не поняла, что это.

Толкнула сундук – он был тяжелым. Положила на него обе ладони и задумалась – стоит ли открывать? Но она сторала от любопытства. И надеялась найти деньги. В конце концов, старик должен ей за все страдания.

Все они ей должны.

Кассиопея вставила ключ, повернула и открыла крышку.

* * *

Она сидела обескураженная видом того, что лежало в сундуке. Не золото, а кости. Очень белые кости. Ну что за ерунда. Может, под ними спрятано что-то?

Засунула руки в сундук, пытаясь найти что-то еще.

Пусто. Она ничего там не нащупала. Холодные гладкие кости, и все.

Да уж, ей, как всегда, везет...

Ее пронзила боль. Кассиопея вздрогнула и посмотрела на свой большой палец – в кожу воткнулся крошечный осколок кости. Попыталась вытащить занозу, но она ушла глубже в палец. Даже кровь выступила.

– О, как глупо, – прошептала девушка, поднимаясь.

А когда она поднялась, сундук... он застонал. Низкий мощный звук. Кассиопея прислушалась. Повернула голову к окну. Конечно *нет*, конечно же звук шел из сундука.

Вдруг, сердито шелкнув, кости подскочили в воздух и начали собираться в человеческий скелет.

Кассиопея не шевелилась, волна страха пригвоздила ее к полу.

Раз – и все кости встали точнехонько на свои места. Два – начали обрастать мышцами и сухожилиями, а потом покрылись гладкой кожей. Не успела Кассиопея перевести дух, как перед ней появился обнаженный мужчина. Его волосы до плеч были иссиня-черными и блестящими, как оперение птицы, кожа бронзовая, орлиный нос, лицо как будто высечено из камня.

Он был неестественно красив, а взгляд пронзал ее с такой силой, что Кассиопея невольно прижала руки к груди, чтобы защититься. В голове закрутилась глупая песенка: «Вот, мама, я нашла своего парня, я буду танцевать с ним около дороги, а потом поцелую его в губы...» Незаметно она ущипнула себя – может, ей все это кажется?

Кассиопея уставилась на мужчину. Да нет, не кажется.

– Ты стоишь перед Великим повелителем Шибальбы, – сказал он. От его голоса отдавало прохладой ночи. – Я долго томился в заключении, и ты освободила меня.

Кассиопея не могла и двух слов связать. Повелитель Шибальбы? Бог смерти в ее комнате? Это невозможно, и в то же время вот он – перед ней. И никакая это не галлюцинация, он самый настоящий.

Она понятия не имела, как вести себя с божеством, и по-

тому неуклюже склонила голову. Его нужно поприветствовать. Но как вернуть воздух в легкие и заставить язык произнести правильные звуки?

– Мой вероломный брат Вукуб-Каме обманул и пленил меня, – сказал мужчина, и Кассиопея обрадовалась, услышав его голос, ведь собственный она потеряла. – Он забрал мой левый глаз, ухо и указательный палец. И мое нефритовое ожерелье.

Говоря это, он поднял руку, и девушка увидела, что у него и правда не хватает частей тела, о которых он упомянул. Ранее она не заметила их отсутствия, слишком впечатанная яркой внешностью мужчины.

– Хозяин этого дома помог моему брату, – сказал мужчина.

– Мой дедушка? Сомневаюсь... – тут же вылетели слова.

Он уставился на нее. Вероятно, она должна была просто слушать. Кассиопея быстро закрыла рот.

– Но это не просто совпадение, что именно ты открыла сундук. Это полный цикл. Принеси мне одежду, и мы отправимся в Белый Город, – сказал бог.

Она так привыкла к подобному тону – тону господина, приказывающего слуге... Это вырвало ее из смятения, и теперь она произнесла целое предложение, пусть и заикаясь:

– Мериды? Мы, то есть мы двое... ты хочешь, чтобы мы *оба* отправились в Мериду?

– Я не люблю повторять.

– Прости, но я не вижу причин, почему я должна идти с тобой, – произвольно сорвалось с губ.

Вот так она и влипала в неприятности с Мартином или дедом. Мама сколько раз говорила: «Следи за своим языком». Нахмуренный лоб, сердитые жесты... Какое-то время ей удавалось контролировать себя, но потом раздражение выплескивалось, как пар из чайника. Исключений не было. Но она никогда еще не пререкалась с богом. И что теперь будет? Ее поразит молния? Пожрут личинки, или она обратится в прах?

Бог подошел к ней, схватил за запястье и поднял ее руку, заставляя открыть ладонь.

– Сейчас я кое-что объясню, – сказал он, касаясь ее большого пальца; Кассиопея поморщилась – кольнула боль, словно нерв задела. – Здесь осколок кости, крошечная часть меня. Твоя кровь пробудила меня и восстановила. И теперь она кормит меня. Жизнь вытекает из тебя и насыщает меня. Если я не вытащу кость, ты засохнешь и умрешь.

– О, ну тогда тебе нужно поскорее вытащить ее, – сказала девушка, проигнорировав слово «пожалуйста». Тут не до вежливости, раз такое дело.

Бог величественно покачал головой. Казалось, он одет в циозит⁷ и золото, а не стоит обнаженный посреди комнаты.

– Не могу, потому что я не полностью восстановился. У

⁷ Минерал природного происхождения, для которого характерен насыщенный зеленый оттенок с черными включениями.

меня нет левого глаза, уха, указательного пальца и нет нефритового ожерелья. Все это мне нужно, чтобы снова стать самим собой. Пока я не верну их, осколок останется в тебе, и ты должна быть рядом со мной – или погибнешь.

Он отпустил ее руку. Кассиопея взглянула на нее, потеряла большой палец и снова перевела взгляд на бога.

– Принеси мне одежду, – сказал он. – И побыстрее.

Кассиопея могла бы воспротивиться, но это было бы пустой тратой времени. К тому же в ее пальце был осколок кости, о котором он так красочно рассказал. Да и участь быть пожранной личинками или обратиться в прах еще вполне вероятно. Хочешь не хочешь, она должна помочь ему.

Девушка распахнула дверцы шкафа, вытащила штаны и пиджак, со стула подобрала рубашку, ненадолго задумавшись. Смерть костлявая и высокая, а этот красавчик стройный и мускулистый. Хотя какая, к черту, разница? Так или иначе, дедушкина одежда будет плохо сидеть на нем, но уж как есть.

Она принесла шляпу, ботинки и шейный платок, подумав, что он будет хорошо смотреться на нем. Пока занималась всем этим, остатки страха улетучились. Почти.

К счастью, бога не надо было одевать – он справился сам. «Я отправлюсь в ад», – мелькнула мысль, потому что в ад отправляются все, кто глазеет на голого мужчину, не являющегося твоим мужем. Но потом она усомнилась. В конце концов, она находится в обществе бога. И да, их священник

ошибался насчет Единого Господа на небесах. Там был не один бог. Оказывается, богов много, раз она видит вот этого. Слышать-то и раньше слышала. Но видеть – совсем другое. Но если богов много, то тогда, возможно, и ада не существует. Богохульная мысль, но над ней стоит подумать.

– Нам нужен кратчайший путь в город, – сказал бог, поправляя платок.

– Дилижанс. Ох, уже почти одиннадцать! – воскликнула она, посмотрев на часы у кровати. – Поезда сегодня не будет, а дилижанс останавливается у нас в одиннадцать. Мы должны успеть на него!

Они поспешили через дворик на улицу. Чтобы добраться до места, где останавливались дилижансы, пришлось идти через центр городка. Хорошо, народу было немного. Кассиопея отлично понимала, какие слухи поползут, если ее увидят рядом с незнакомцем. Но им, можно сказать, повезло. Только сын аптекаря повернул голову, да дети, гонявшиеся за бездомной собакой, остановились, чтобы похихикать.

Когда они добрались до жалкого вида станции – здесь стояла одна-единственная скамейка, на которой можно было посидеть и подождать дилижанса под немилосердным солнцем, – Кассиопея вспомнила кое-что важное.

– У меня нет денег, чтобы оплатить проезд, – сказала она. Может, поездка и не состоится. Может, это и к лучшему. Откуда ей знать, что он собирается делать в городе, а она... она не готова ни к чему такому.

Как ни странно, бог в дедушкиной одежде выглядел неплохо, почти как джентльмен. Он ничего не сказал, наклонился и поднял с земли несколько камней. Кассиопея несколько не удивилась, что в его руках они превратились в монеты. И как раз вовремя, потому что мул уже цокал копытами по узкой дороге, таща за собой вагончик.

Они заплатили за билеты и сели на скамейку. В дилижансе была крыша – почти роскошь, потому что транспорт, разъезжающий по сельской местности, удобствами не отличался. Трое пассажиров внутри дремали, и Кассиопея подумала, что ей и здесь повезло. Следующая мысль была не такой оптимистичной. Матери наверняка донесут, что она сбежала с каким-то мужчиной. Тот же аптекарский сынок постарается, уж сплетничать в Укумиле любят все. А этому богу из сундука конечно же плевать на ее репутацию.

– Назови мне свое имя, – обратился он к девушке, как только они отъехали. Не «как тебя зовут», а вот так – повелительным тоном.

Девушка поправила шаль.

– Кассиопея Тун.

– Я – Хун-Каме, Повелитель Шибальбы, – важно произнес мужчина. – Благодарю тебя за мое освобождение и за дар твоей крови. Хорошо служи мне, девушка, и я награжу тебя.

На кратчайший миг ей показалось, что она еще сможет сбежать, может выпрыгнуть из дилижанса и вернуться в город. Пусть он обратит ее в пыль, но не лучше ли это ужасной

судьбы, что ее ждет? На хорошее она не надеялась. Насколько она знала из мифов, властелины Шибальбы любят обманывать смертных. Да еще этот осколок кости...

Но надоедливый голос в голове шептал про «приключение». Что она видела в Укумиле? У нее может не быть второй такой возможности вырваться из дома деда. Она была в том возрасте, когда самое сильное из чувств – любопытство. «Иди сейчас, иди быстрее» – вот что она хотела. В юности многие пытаются сбежать из дома, и у кого-то все складывается совсем даже неплохо.

– Ладно, договорились, – сказала она и приняла свою судьбу, какой бы она ни была.

Мужчина, бог или не бог, молчал всю дорогу до Мерида, и хотя Кассиопея была растеряна, она радовалась, что так все вышло. Пусть и самым странным способом, но она все-таки выпорхнула в мир.

Глава 3

Тут стоит, пожалуй, вернуться немного назад.

Мартин Лейва. Двадцать лет, привлекательный, хотя и немного простоват. С медовыми глазами и острым языком. Единственный сын единственного сына Сирило Лейва – это и есть самое главное. Хотя у старика было множество дочерей – он, именно он, Мартин Лейва, по гендерному праву должен стать наследником. Сама мысль об этом позволяла ему с важностью петуха расхаживать по городу. Глядя на его красивые ботинки, на сверкающую серебром пряжку на ремне, никто не сомневался в его величии. А уж когда он доставал портсигар с монограммой, всякие сомнения вообще отпадали: Мартин Лейва – достойнейший из достойных.

Может, и отпадали, но только не у его кузины Кассиопеи. Ее скептический взгляд был подобен кислоте, вылитой в лицо.

«Почему ты не могла родиться мальчиком?» – как-то спросил дедушка Кассиопею, и Мартин никак не мог забыть эти слова.

Отправив Кассиопею в лавку, Мартин Лейва, великолепный Мартин Лейва в начищенных до блеска ботинках, но, увы, не щеткой Кассиопеи, протопал в гостиную, где его мать, тетки и две сестры занимались вышивкой.

– Мама, у тебя остались сигареты? – спросил он раздра-

женно.

Столичные газеты советовали женщинам заменять сладости сигаретами, а Люсинда всегда следовала советам, хотя курить ей не нравилось. Но она была скупой, и выпросить у нее сигарету не так-то просто.

– Ты слишком много куришь, Мартин, это плохо для здоровья, – сказала она. – Неужели ты уже всю пачку потратил?

– Я уже несколько дней не курил. Мог бы и сейчас воздержаться, но мне надо успокоить нервы. Эта Кассиопея... Когда только она научится выполнять работу как положено... – От злости у него выступили красные пятна на щеках.

– Она снова избегает своих обязанностей?

– У нее уходит вечность на то, чтобы сходить в магазин.

И она нестерпимо груба!

– Понятно.

Волосы Люсинды были рыжеватого оттенка, а шея такой красивой, что когда-то поэт сочинил сонет в ее честь. Она вышла замуж за единственного сына Сирило Лейвы, тихого молодого человека, которого не особо любила. Он и был тем самым поэтом. Но поэты редко могут оплатить аренду, поэтому с самого начала они жили с его отцом. Но Люсинда ничего не имела против. Она наслаждалась роскошью дома в Укумиле, статусом, который фамилия Лейва давала ей в этих местах, и она обожала своего ненаглядного сынка. Когда Кассиопея ударила его палкой, она сразу поняла, насколько эта девчонка злобное и испорченное существо.

Женщина потянулась за бархатной сумочкой, которую всегда носила с собой, вытащила сигарету и передала сыну.

– Мне придется рассказать об этом твоему деду, – сказала она.

– Как хочешь, – ответил Мартин.

Вообще-то он не собирался втягивать Кассиопею в неприязности, но если все так закончится, будет лучше. Была б кухня порасторопней, ему бы не пришлось выпрашивать сигарету у матери, а значит, виновата девушка. Мартин часто рассуждал таким образом. Причиной своих проблем он никогда не был.

Молодой человек прошел в патио, посмотрел, как попугай чистит перья в клетке, потом, заскучав, направился к себе в комнату поспать. Он вел праздное существование, и дневной сон занимал важное место в его жизни. Проснувшись, он поискал сигареты и вспомнил, что отправил за ними Кассиопею. И тут же выругался себе под нос – чертова девчонка, могла бы уже сто раз занести.

Мартин ждал кухню у комнаты Сирило. Выйдя в коридор с газетой под мышкой, она снисходительно посмотрела на него своими темными глазами. Гордячка.

– Где ты была? Я же сказал купить мне сигареты, ты что, забыла?

– Не забыла. Я выполняла свою работу, Мартин. Отнесла говядину повару, почитала дедушке.

– А что насчет меня? – приподнял он бровь.

– Я думала, что важнее заняться дедушкой.

– Ох, а я, значит, не важен.

– Мартин, – примирительно сказала Кассиопея, вытащила из кармана юбки пачку и протянул ему. – Вот.

Даже этот ее жест был полон снисхождения. Ничего такого она не сказала. Но сам тон ее голоса, движение головы, подрагивание ноздрей... Тихая и непокорная одновременно, она раздражала Мартина. Ему постоянно казалось, что Кассиопея что-то задумывает против него.

Он схватил сигареты, и как только девчонка ушла, постарался выкинуть ее из головы. Но потом они пересеклись в патио. Что, ей так трудно почистить его ботинки?

Конечно, он рассказал дедушке, что эта гордячка в очередной раз проявила неуважение. А потом, словно желая наградить себя, отправился в город на поиски развлечений. В городе был всего один унылый бар. Мартин редко его посещал, потому что это было неприлично для внука Сирило Лейвы, самого важного человека Укумиле. У него были приятели, конечно же из тех, кто считался сливками общества. Сын аптекаря и нотариус, он же владелец галантерейной лавки. В доме аптекаря в определенные дни недели играли в карты и домино, но Мартин умирал там со скуки. Выбора у него не было. Кассиопея умела играть в шахматы и шашки, но она играла лучше Мартина, а он терпеть не мог проигрывать.

Заглянув в бар, он пошел к аптекарю. Сидел за столом и

выкладывал костяшки. Занятие монотонное, но его утешали знакомые лица. В отличие от Кассиопеи, он никогда не стремился к новому.

Когда Мартин вернулся домой, он увидел, как Кассиопея идет через внутренний дворик, несомненно, направляясь к себе. Он выпил рома и находился в благодушном настроении.

– Кассиопея, – позвал он.

Кузина подняла голову. Смотрела на него не с вопросом в глазах, как это сделали бы другие, а просто уставилась на него.

В детстве Мартин боялся монстра, живущего под кроватью, и натягивал одеяло до подбородка, чтобы защититься. И что-то ему подсказывало, что кузина в своем детстве не боялась ничего, впрочем, как и теперь. Он считал это неестественным для девушки.

– Кассиопея, хочешь, я поговорю с дедом, чтобы он позволил тебе завтра поехать с нами? – неожиданно для себя выпалил он.

– Мне ничего от тебя не нужно, – прищурилась Кассиопея.

Мартин возмутился. Сколько можно разговаривать этим наглым тоном? Как он мог быть добр к ней?

– Ну хорошо, – усмехнулся он, как ему показалось, саркастически. – Надеюсь, ты сполна насладишься работой.

Он отправился спать без каких-либо сожалений. Если горячке хочется изображать мученицу, когда все члены се-

мы отправятся немного развеяться, – да будет так.

Глава 4

Он звался Т'хо, прежде чем испанцы наткнулись на этот город. Когда-то он был славный, а потом стал разрушаться, как разрушается все земное. Теперь его звали Мерида, и он пережил второе рождение. Огромные плантации сизаля⁸ сделали землевладельцев богатыми, и здесь выросли дома, подчеркивающие состояние хозяев. В городе проложили дороги и мостовые, сделали освещение. Граждане из высшего сословия считали Мериду такой же красивой, как и Париж, и ставили Пасео-де-Монтехо⁹ на ступеньку ниже Елисейских полей. Но так как Европа слыла колыбелью изысканности, в Мериде продавали одежду по французской моде и британские ботинки. Девушки из благородных семейств и их мамы вставляли в свою речь словечки вроде *charmant*, чтобы продемонстрировать успехи, достигнутые в обучении. Чтобы строить богатые дома, нанимали итальянских архитекторов.

Несмотря на Революцию, «божественная каста» все еще существовала. Возможно, яки¹⁰ больше не депортировали из Соноры, чтобы те работали на полях; возможно, цены на юкатанскую коноплю упали, а треск машины на многих

⁸ Обработанное волокно американской агавы.

⁹ Проспект в Мериде.

¹⁰ Племя североамериканских индейцев, живущих в регионе пустыни Сонора.

плантациях стих, но деньги из рук богатых просто так не уходят. Несколько выдающихся семей времен Порфириата¹¹ через браки соединились с еще более перспективными династиями, другим повезло чуть меньше, но они все равно оставались на плаву. Мерида все еще оставалась городом, где водились деньги, где белые граждане из тех, кто наверху, на обед ели деликатесы, а бедняки голодали. Но даже бедняки думали, что живут в стране, полной возможностей.

Кассиопея пыталась напоминать себе о том, что она всегда мечтала вернуться в Мериду. Конечно, не при таких обстоятельствах, но все равно это шанс.

На улицах Мериды было полно людей. Настоящий муравейник, и все двигались очень быстро. Девушке никак не удавалось рассмотреть роскошные здания. Все сливалось в пятно цвета и шума. Здесь не было единого стиля – мавританский, испанский, какой-то там еще, – но все равно было очень красиво.

Они прошли мэрию с часами на башне. Пересекли главную городскую площадь, сердце Мериды. Потом обошли собор, построенный из камней храма майя. Кассиопея гадала, разозлит ли Хун-Каме вид этого здания, но он даже не взглянул на него, и вскоре они уже шли по узким улочкам, оставив центр позади.

Хун-Каме остановился перед двухэтажным зеленым особ-

¹¹ Период мексиканской истории (1876–1911), когда страна находилась под управлением генерала Порфирио Диаса.

нячком. Над его тяжелой деревянной дверью виднелся рисунок, вырезанный в камне: охотник с луком, целящийся в небеса.

– Где мы? – спросила Кассиопея, запыхавшись. Ноги болели, лоб покрылся испариной. За все время путешествия они ничего не ели и едва ли обменялись парой-тройкой слов.

– Это дом Лоре. Он демон, и он иностранец, и поэтому может оказаться полезным.

– Демон? – переспросила Кассиопея, поправляя шаль, посеревшую от дорожной пыли. – Нам это ничем не угрожает?

– Как я уже сказал, он иностранец, а значит, действует как нейтральная сторона. Он не присягал на верность моему брату, – ответил Хун-Каме.

– А... – протянула она, не слишком понимая про нейтральную сторону. – Послушай, ты уверен, что это его дом? – Ей не хотелось заходить.

Хун-Каме положил ладонь на дверь и без труда открыл ее.

– Пошли.

Кассиопея не шевельнулась. Мужчина, уже перешагнувший через порог, повернул голову.

– Не продавай ему душу, и все будет в порядке, – лаконично сказал он.

– Звучит просто... – усмехнулась Кассиопея.

– Так и есть. – Хун-Каме либо не заметил сарказма в ее голосе, либо ему было все равно.

Кассиопея глубоко вздохнула и пошла за ним.

Широкий коридор, пол которого был выложен оранжевым камнем *тикал*, а стены выкрашены в желтый, привел их в патио. В углу росло оплетенное лозой дерево, рядом журчал фонтан. Из патио они прошли в огромную гостиную. Она была стильной: белые диваны, черная лакированная мебель, зеркальный потолок с квадратами черного дерева. На низком столике – белые цветы в вазе.

На одном из диванов сидел мужчина. На нем был строгий серый костюм с нефритовой брошкой на лацкане. Лицо словно высечено из камня. Возраст? Не больше тридцати двух-тридцати трех, но стоило взглянуть в глаза, и становилось понятно, что он намного старше. Глаза были невероятного зеленого оттенка. На правом плече мужчины восседал ворон и чистил перья.

Увидев гостей, мужчина ухмыльнулся.

– И как же ты прошел? На дверях и окнах стоят защитные заклинания.

– Ни замки, ни заклинания не могут сдержать владыку Шибальбы. Перед Смертью все двери открыты.

– А по-моему, у Смерти нет манер. Послушай, мне казалось, твой брат отправил тебя в изгнание.

– Да, он пленил меня, – монотонно произнес Хун-Каме. – Это было неприятно.

– Ну, теперь-то ты свободен. А это кто с тобой? Что за замарашка?

Зеленоглазый посмотрел на Кассиопею. Девушка почув-

ствовала, что краснеет, но не ответила. Она слышала оскорбления и похуже.

– Лоре, Маркиз Стрел, представляю тебе леди Тун, – торжественно ответил Хун-Каме.

Слово «леди» удивило Кассиопею. Почему это он так назвал ее? Ей показалось, что она сейчас сложится как веер, – где-то читала это сравнение.

Демон улыбнулся, и Кассиопея взяла себя в руки. Она не видела смысла притворяться скромной, с Лоре это было бы неправильно.

– Приятно познакомиться, – сказала она, протягивая руку.

Лоре быстро встал и пожал ее; грязные и потные ладони его, похоже, не смутили.

– Рад познакомиться с леди. И тебя рад снова видеть, Хун-Каме. Присаживайтесь оба, пожалуйста.

Кассиопея обрадовалась передышке. Она хотела снять хураче¹², растереть ступни. На мизинце вздулся волдырь. Волосы под шалью пришли в беспорядок.

– Полагаю, вы пришли сюда не за сыром и вином, хотя, если решитесь, в этом доме всегда найдется что выпить. Что вам от меня нужно? – спросил демон, садясь и вытягивая ноги.

– Мне не хватает кое-каких частей тела, и я должен вернуть их. Ты знаешь моего брата, торгуешь с ним. Возможно,

¹² Тип мексиканских сандалий.

он открыл тебе пару секретов. Или же ты узнал эти секреты от других, как обычно и делаешь.

– Дорогой Хун-Каме, возможно, ты забыл одну деталь, но это простительно, учитывая, сколько тебя не было. Я всего лишь демон и не торгую с твоим братом, – Лоре театральным жестом прижал руку к сердцу.

– Ты со всеми торгуешь.

– Со всеми, – повторил ворон, сидевший теперь на спинке дивана.

Демон повернул к птице голову.

– Я говорю со всеми. Это не одно и то же.

– Ты выживаешь, продавая секреты, – сказал Хун-Каме. – Продай мне один. Или собираешься разочаровать меня, сказав, что потерял хватку?

– Потерял хватку, – согласился ворон и от греха подальше полетел на другой конец комнаты, где устроился на белом винном шкафу.

Лоре засмеялся, хотя и метнул на птицу раздраженный взгляд.

– Ну, ты можешь расстроиться, услышав, что я знаю, где находится *только одна* часть твоего тела, Хун-Каме.

Демон снова встал и налил себе бокал темного ликера, достав бутылку из шафа. Юкатан был одним из штатов, где частично действовал «сухой закон», но точно не в доме Лоре.

– Хотите что-нибудь? – спросил он.

Кассиопея отрицательно покачала головой. Хун-Каме то-

же отказался. Демон пожал плечами и вернулся на диван с бокалом в руке.

– Я знаю, где ты можешь найти пропавшее ухо, но на этом все. Однако проблема в цене моей помощи. Ты сам понимаешь, как разгневется твой брат, если узнает, что я помог тебе.

– Как будто ты боишься богов, лучник, – ответил Хун-Каме. – Называй цену.

– Лучник... Какими официальными мы стали. А что касается цены... Если ты помнишь, я ограничен в своих передвижениях. Смехотворное заклинание, наложенное на меня кое-кем, привязало меня к этому городу...

– Ты сам виноват. Если не хотел оказаться здесь, не стоило помогать французам в их жалкой захватнической войне.

– Ошибки молодости! Нужен век или два, чтобы выучить урок. Позволь мне путешествовать – вот моя цена. Открой Черную дорогу Шибальбы, чтобы я мог пройти по ней.

– Открой, – повторил ворон, имитируя хозяина.

Хун-Каме взглянул на демона. Его угловатое лицо застыло, вызывая неприятное ощущение, но потом бог кивнул.

– Когда я верну трон, ты сможешь ходить по дорогам Шибальбы – под землей, но Срединный мир мне не принадлежит.

– Этого хватит, поскольку из Шибальбы я смогу легко найти дорогу в Срединный мир, – довольно ответил демон. – Я скажу тебе, у кого твое ухо, хотя тебе это может не понравиться.

виться. К сожалению, оно у одного из мамлабов, а кто знает, что повлечет за собой встреча с ними – легкий дождик или грозу. Я презираю богов погоды, у них слишком переменчивое настроение.

Лоре допил свой ликер, не сводя глаз с Хун-Каме. Кассиопея не знала, как должен был отреагировать бог. По лицу не прочитав – оно ничего не выдавало.

– Ты знаешь, где он сейчас?

– Кто из них?

– Младший мам.

– Где именно? Хм, трудно сказать. Еще одна проблема богов погоды. Но почти подошло время Карнавала, и, бьюсь об заклад, он будет в Веракрусе. Вам придется сесть на корабль из Прогресо, чтобы добраться туда. В наши дни суден полно, но если хотите, могу организовать вам проезд, – вежливо предложил демон. – Возможно, даже получится отплыть завтра. А пока вы можете побыть у меня.

Завтра... Было ли дело в поездке или в осколке кости, застрявшем в ее пальце, но Кассиопея ощущала отчаянное желание свернуться клубочком на кровати и заснуть.

– Пойдемте. Вам понравятся комнаты для гостей, – сказал Лоре и повел их за собой.

Комната Кассиопеи была огромной и полной воздуха, но девушка не стала осматриваться – она упала на кровать и провалилась в сон, как только голова коснулась подушки.

Разбудил ее аромат кофе. Кассиопея осторожно открыла глаза и уставилась на красивый высокий потолок с лепниной. Потом приподнялась, опираясь на локти.

– Доброе утро, мисс, – поприветствовала ее служанка.

– Доброе утро, – пробормотала Кассиопея.

Служанка передала ей поднос с завтраком. Девушка смутилась, до этого ей приходилось обслуживать других.

– Мистер Лоре попросил клерков из *The Parisian* заехать к нам с утра.

– *The Parisian*. А что это? – спросила Кассиопея.

Служанка вздохнула.

– Это магазин. Вам привезут одежду. А до этого нужно принять ванну.

Кассиопея проглотила завтрак, почти не жуя. Служанка торопила ее, говоря, что из магазина придут с минуты на минуту. Ванная комната удивила. Во-первых, она была большая, во-вторых, сама ванна, стоявшая посередине, была очень красивая, с железными ножками в виде когтистых лап. На полках были расставлены дюжины флакончиков с дорогими маслами и духами.

Кассиопея наполнила ванну до краев и налила туда масел из разных флаконов. Розы, и лилии, и другие сладко пахнущие ароматы. Дома она каждое утро мыла лицо и шею в та-

зике с водой, а принять душ ей позволяли только по воскресеньям, перед походом в церковь. Дедушка говорил, что не следует пользоваться горячей водой – холодный душ помогает молодым очистить голову от вредных мыслей. Но дедушки тут не было. Кассиопея налила такую горячую воду, что комната наполнилась паром. Потом погрузилась в воду по самый подбородок.

Отмывшись от грязи, она со всплеском встала и обернулась огромным полотенцем. Выжала и расчесала волосы. А когда вернулась в комнату, обнаружила, что везде расставлены коробки, из которых три женщины вынимали платья, юбки, белье. Не заметив появления Кассиопеи, они продолжали обсуждать ее.

– Такая точно никогда не носила корсет, – сказала одна женщина.

– И подвязки, – подхватила другая.

– Или даже чулки. У нее ноги крестьянки – голые. Но ей, похоже, ничего не надо брить, – иронично заключила третья.

– Что брить? – спросила Кассиопея, заставив женщин рассмеяться.

Нисколько не смутившись, они продемонстрировали, как правильно надевать тонкие чулки, а потом стали передавать один предмет одежды за другим, спрашивая, нравится или нет. Кассиопее, у которой было лишь одно хорошее платье для церкви, было трудно судить, и женщины посмеивались над ее неуверенными ответами. Она примерила платье цве-

та слоновой кости и испугалась его невесомости. Юбка была короче, чем она привыкла носить, – доставала до середины икр. На вырезанных из газет фотографиях она видела такие платья, но дедушка говорил, что юбка должна доходить до щиколоток. А эти женщины настаивали, что такова сейчас мода. На ее кровати выросла гора из платьев, юбок и блузок, и служанка начала упаковывать вещи, выбранные Кассиопеей (то есть те, на которые она согласилась), в чемодан. Зашла еще одна служанка и сказала, что с Кассиопеей хочет поговорить мистер Лоре.

Кассиопея отправилась в гостиную, радуясь, что ей больше не нужно смотреть на бесконечные лифы с кружевами. Завидев ее, демон улыбнулся. Ворон сидел на спинке стула и, склонив голову набок, казалось, оценивал ее.

– Ну вот, теперь ты смотришься хорошо.

Девушка кивнула, не зная, как реагировать. Лоре поцеловал ее руку, как в давние времена делали джентльмены. Потом сжал пальцы в своих ладонях.

– Извини, если я тебя невольно обидел. Я бываю груб, это мой недостаток.

– Все нормально. Только я гадаю, зачем вам покупать мне красивую одежду, – ответила Кассиопея, забирая руку.

– Я решил, что ты не прочь переодеться, и оказался прав, – сказал Лоре, оглядывая ее с улыбкой. – К тому же, это поможет нам стать хорошими друзьями.

Он явно пытался очаровать ее, но Кассиопея не привыкла

к тому, чтобы ее очаровывали. Городские парни обходили ее стороной. Будь она простой служанкой, они бы ухаживали за ней, но раз она член семьи Сирило Лейвы, пусть и номинально, никто не осмеливался. Так что тут у нее было мало опыта. Именно по этой причине она не покраснела, не опустила ресницы, а ответила с горячностью:

– Сомневаюсь, что у богов и демонов много друзей!

– Ты права. Но я был бы рад исключению. Ты осознаешь, в какой путь собираешься отправиться?

– Знаю, что я должна помочь Хун-Каме, а поскольку мы с ним связаны, то я и себе помогу, – она посмотрела на палец, который слегка саднил.

– Правильно, – кивнул Лоре. – Но ты понимаешь, что на кону?

Кассиопея понятия не имела. Она как лунатик шла за Хун-Каме. Она была в полной растерянности и действовала, полагаясь на инстинкт. Однако ее раздирало любопытство.

– И что на кону? – спросила она, предвкушая историю, такую же интересную, как когда-то рассказывал отец.

– Тысячи тысяч лет назад на Землю упал камень, и Земля треснула. Остался шрам. Когда происходит событие такой величины, что-то остается, – продолжил Лоре. – Через разломы этого шрама на нашем полуострове исходит сила. На Юкатане много магии. В других частях мира древние боги заснули. Может быть, ты слышала, что боги засыпают, когда им перестают молиться и делать подношения? Но здесь, на

Юкатане, боги все еще ходят по земле. Юкатан – колодец силы, и Великий властелин Шибальбы может пользоваться этой силой.

– Силой, – повторил ворон.

Лоре поднял руку. Ворон пролетел через комнату и сел на его запястье. Демон погладил его по перьям.

– Из-за ряда неудачных событий, о которых я не хочу сейчас рассказывать, я оказался прикован к этому городу. И мое самое большое желание – вырваться отсюда, спастись. Если бы я смог спуститься в Шибальбу, я бы смог преодолеть окопы, удерживающие меня здесь... Но я не могу расхаживать по Шибальбе без разрешения.

– Тебе даст его Хун-Каме, – напомнила Кассиопея.

– Да, – кивнул Лоре. – Конечно, это риск. Хун-Каме может потерпеть поражение, а его брат жесток.

Кассиопея задумалась. Она последовала за Хун-Каме, потому что ощутила зов приключений. Бог сказал, что она питает его, дает силы, но в это пока как-то не верилось – она прекрасно себя чувствовала. Но теперь, после слов Лоре, стало очевидно, что в этом ее приключении есть о чем волноваться. Мечь богов... Она заметила, что демон вообще не называет вслух имя соперника Хун-Каме. Вероятно, боится.

Вукуб-Каме, вспомнила она, но удержала имя за зубами.

– Мне нужна страховка. И эта же страховка может оказаться полезной для тебя, – сказал Лоре.

– Не понимаю...

– В тебе ведь что-то есть, да? Частица бога, печать Подземного мира.

– Ты осколок кости имеешь в виду?

Девушка открыла ладонь и снова посмотрела на свой палец. Интересно, откуда Лоре узнал? Хун-Каме рассказал?

– Властители Подземного мира не могут так просто бродить по Срединному миру. Чтобы поговорить со смертными, они должны использовать посланников. Или же они могут появляться в ночи, но только на короткое время – на час.

– Да, но мы-то передвигались днем.

– Потому что Хун-Каме не полностью бог. Потому что твоя кровь смешивается с его бессмертным естеством. Она и кормит его. Без твоей крови ничего бы не вышло.

Кассиопея сжала кулак и теперь уже явственно почувствовала осколок. Он был подобен живому существу, прячущемуся в ее плоти.

– Он сказал, что этот осколок убьет меня...

– Так и есть, девочка. Если его не убрать. Но Хун-Каме не может просто так вытащить его, да и не захочет в нынешнем состоянии. И все же он должен это сделать. Чем больше твоей жизни он поглощает, тем больше человеком становится. Это неудачная сделка для вас обоих, но есть и другой способ...

– Способ, – кивнул ворон.

– Он может стать спасением, если ситуация изменится и Хун-Каме потерпит поражение в своих поисках, – на губах

Лоре появилась улыбка.

– Не понимаю...

– Если он не сможет вернуть пропавшие части своего тела, если его брат догонит вас, отрежь руку.

– Что?! – Кассиопея вздрогнула.

Демон изобразил движение, словно отрубает руку мачете.

– Вот так. Это прервет твою связь с Хун-Каме.

– И что это даст?

– Он сильно ослабнет. Это поможет его брату. И это поможет нам – тебе и мне.

Лоре произнес «нам» так легко, словно они были старые знакомые. Любого смертного очаровал бы его голос, его улыбка и внешность. Ничего удивительного – ведь он был демоном. Но Кассиопея была достаточно умна, чтобы настрожиться. Какова его истинная цель?

– Нынешний Повелитель Шибальбы благосклонно посмотрит на женщину, которая помогла ему победить брата, – сказал Лоре.

– Ну да, конечно, а я останусь без руки!

– Иногда приходится идти на жертвы. Отрубить руку не так уж страшно.

– Но я наврежу Хун-Каме...

– В этом и смысл, дорогая! Наконец-то дошло!

– Хорошо. Тогда почему ты не пытаешься отрезать мне руку? Сейчас? – спросила Кассиопея, удивляясь собственной смелости.

– Если я попытаюсь это сделать, ничего не произойдет – через мгновение ты снова будешь цела. – Лоре коснулся ее руки, словно бы подчеркивая свои слова. – Тебя не может ранить враг, пока Властелин Шибальбы находится рядом. Даже тот, кто потерял свой трон. Ты должна это сделать по своей воле, сама. Только так.

– Бессмыслица какая-то...

– Просто знай, что этот вариант возможен. Он может спасти и тебя, и меня, – повторил Лоре, и под его вежливостью Кассиопея заметила тихую злобу.

– И что, Вукуб-Каме простит тебя, если скажешь, что дал мне такой совет?

Она произнесла это имя вслух, желая поиграть на нервах Лоре, а заодно проверить границы возможного. Гром не прогремел, но демон сник.

– Надеюсь, – пробормотал он.

– А что, если я отрежу руку прямо сейчас?

Она не собиралась этого делать, но и промолчать не могла.

– Нет. Слишком рано. Хун-Каме еще может вернуть свой трон, – Лоре подошел к винному шкафу, распахнул его и бросил через плечо взгляд на девушку. – К тому же, к несчастью, у тебя храброе и доброе сердце.

– Откуда тебе знать, какое у меня сердце?

– Дорогая, ты была бы плохим игроком в карты. Ты не умеешь скрывать свои чувства.

Лоре налил себе выпить, но не успел сделать и глотка, как

в гостиную зашел Хун-Каме в белом льняном костюме с симпатичной соломенной шляпой в руках, вокруг шеи был повязан черный платок. И снова оказалось трудно заметить отсутствие глаза и уха. Он был слишком ослепителен, чтобы видеть изъяны.

– Добрый день, – весело поздоровался Лоре.

– Добрый день, – повторил приветствие ворон, снова перебравшийся на плечо хозяина.

– Надеюсь, вы организовали для нас проезд, сеньор, – сказал Хун-Каме. – Не хочу терять время.

По-деловому прямо, но вежливо. Кассиопее понравилось. Ее дед сейчас бы орал, стучал тростью о пол, а Мартин сыпал бы угрозами, не дожидаясь ответа.

– Разве я мог подвести тебя? – спросил Лоре, и в его голосе прозвучало легкое раздражение. – Корабль выходит из Прогресо сегодня вечером. Он быстрый. Вы доберетесь за пару дней.

– Мой путь должен оставаться в тайне.

– Разумеется. Сделаю все возможное, но у твоего брата возможностей больше. Скорее всего, он уже ищет тебя.

– Я сотворил иллюзию. Она на какое-то время скроет мой побег, – спокойно ответил Ху-Каме.

Демон поднял бокал.

– Выпей со мной. Не хочу, чтобы ты говорил, что я не гостеприимен. У меня есть тост. Наши судьбы скоро изменятся, и давайте надеяться, что к лучшему.

– Я выпью с тобой, когда верну трон.

Демон явно не ожидал отказа, но Хун-Каме немного смягчил его:

– Подобранный тобой одежда хороша. – Он не добавил «спасибо», но это подразумевалось, само собой.

– Рад, что тебе понравилось. Новая мода. Высокие шляпы уже давно устарели. Знаешь, и танцы стали поживее. Прошлый век был слишком уж чопорным.

– Какая мне разница, какие танцы у смертных?

– Не будь занудой. Ты отпугнешь даму, – засмеялся Лоре, но смех был деланным.

Он наполнил второй бокал и передал Кассиопее. Наклонился к ней и прошептал так тихо, что ей показалось, словно голос звучит в голове:

– Помни, что я тебе сказал. Если окажешься на стороне проигравшего, у тебя будет шанс отступить и объединиться с победителем.

Он чокнулся с ней, и на его лице заиграла улыбка. Кассиопея сделала глоток.

Глава 5

От Срединного мира Шибальбу отделяют девять уровней. Хотя корни Дерева мира простираются от глубин подземелья до небес, соединяя все грани существования, королевство Шибальба находится там, куда новости доходят не скоро. Поэтому не удивительно, что Вукуб-Каме, сидящий на внушающем страх троне из обсидиана, а трон тот стоял на ковре из костей, не сразу узнал о побеге брата из заточения.

И все же до его покоев донеслось предупреждение. Ему показалось, что он услышал ноту, приглушенную, словно звук флейты. Когда она прозвучала один раз, он от нее отмахнулся, но во второй раз уже не смог.

– Кто произносит мое имя? – спросил он и поднял голову. Казалось, завиток дыма, словно прозрачный цветок в темноте, касается его уха.

Всевластный бог...

Его двор, как всегда, был оживлен. Его братья – здесь их было десять, пять пар близнецов, – откинулись на подушки из кожи оцелота. Кипела работа. Высокорожденные смертные, которых еще только собирались похоронить в лучших одеждах и с полным набором драгоценностей на пальцах, шее и в ушах – подобострастное подношение богам Подземного мира, – получали доступ к Черной дороге и место в Черном городе. Иногда, смеха ради, властители Шибальбы от-

казывали аристократам и вместо них выбирали крестьян, но это случалось не часто. В просторных залах суетились придворные, чьи тела были раскрашены черными, синими или красными узорами. Женщины носили платья с многочисленными нефритовыми вставками, из-за чего им было сложно ходить. Жрицы и жрецы в длинных одеяниях разговаривали с учеными, а воины наблюдали за ужимками шутов.

Шибальба соединяла в себе противоположное. Здесь было столько же красоты, сколько и страхов. Дом ножей и Дом летучих мышей пугали, но мягкое сияние обсидиана притягивало взгляд. Смертные всегда боялись бархатных объятий ночи, боялись существ, живущих в ней, но все же ночь их очаровывала. Поскольку все боги родились из смертных сердец, неудивительно, что и Шибальба отражала эту двойственность.

Двойственность была символом подземного королевства. Братья Вукуб-Каме и Хун-Каме были близнецами и дополняли друг друга. Шикирипат и Кучумакик заставляли людей лить кровь и одеваться в красное, Чамиабак и Чамиахолом виртуозно владели костяными жезлами, заставляющими людей истлевать. У каждой пары близнецов были свои особенности.

Вукуб-Каме и Хун-Каме шли рука об руку, они правили вместе, но Хун-Каме, родившийся первым, был самым главным из всех повелителей Шибальбы, и в результате Вукуб-Каме вынужден был исполнять его волю, мучимый этой

несправедливостью.

Они были похожи, и все же нет, и именно это толкнуло Вукуб-Каме к вражде, наполнив горечью. Он был эгоистичным существом, склонным лелеять обиды.

Внешне он был высоким и стройным, с кожей темного оттенка бронзы. Веки были тяжелыми, а нос орлиным. Он был прекрасен, как и его брат. Но волосы Хун-Каме были темными, как чернила, а локоны Вукуб-Каме – цвета кукурузных рылец, то есть такие светлые, что казались почти белыми. Хун-Каме носил головной убор из зеленых перьев птицы кетцаль и роскошные одеяния из шкур ягуара. А туника Вукуб-Каме была белой, талию обхватывал красный пояс, украшенный белыми морскими ракушками. На груди и запястьях, как и положено богам, висели украшения из нефрита, ноги были обуты в мягкие сандалии. Иногда Вукуб-Каме надевал нефритовую маску, но сейчас его лицо было открыто.

Когда он поднялся с трона, браслеты на его запястьях громко зазвенели. Братья и придворные тут же повернули к нему головы.

Великий Повелитель Шибальбы был недоволен.

– Замолкните все, – приказал он, и двор послушно затих.

Вукуб-Каме призвал одну из своих четырех сов. Сотворенное из тени существо приземлилось рядом с тронном, и Повелитель прошептал пару слов. Хлопая огромными крыльями, сова улетела. Поднявшись через все уровни Подземного мира, она добралась наконец до дома Сирило Лейвы.

Залетела в комнату старика и усталилась на черный сундук. Ей не надо было поднимать крышку – она видела все насквозь. Убедилась, что кости Хун-Каме все еще лежат внутри сундука, и вернулась к хозяину сообщить об этом.

Повелитель успокоился. Но его спокойствие длилось недолго. Он сыграл в игру бул, где костяшки раскрашены черным с одной стороны и желтым с другой, но занятие не принесло ему радости. Он выпил из украшенного рубинами кубка *бальче*¹³, но вино показалось кислым. Послушал придворных, играющих на костяных погремушках и барабанах, но ритм ему не понравился.

Вукуб-Каме решил, что должен сам взглянуть на сундук. В мире смертных сейчас царила ночь, и ничто не мешало ему подняться в дом Сирило Лейвы. Старик, уже спавший в кровати, тут же проснулся – холод бога смерти заставил его распахнуть глаза.

– Повелитель... – пробормотал он.

– Надеюсь, ты меня все-таки достойно поприветствуешь, – скривился Вукуб-Каме.

– Да, да... Мой милосердный господин, я польщен вашим визитом, – прохрипел Сирило, горло его пересохло. – Подождите, сейчас, сейчас...

Старик засуетился, нашарил спички и зажег свечи, стоявшие на тумбочке. Бог прекрасно видел в темноте, и свечи

¹³ Священное вино майя, получаемое путем ферментации растения *лонхокарпус*, с добавлением меда и кукурузы.

были не нужны. Но Вукуб-Каме нравилось наблюдать за испугом смертного, за его желанием угодить.

– Если бы я знал, что Владыка посетит меня, я бы лучше подготовился, хотя моего гостеприимства никогда не будет достаточно, чтобы удовлетворить вкус такого высокого гостя, – бормотал Сирило. – Что мне сделать для вас? Прокोलоть язык и пролить кровь, чтобы продемонстрировать свою преданность?

– Твоя кровь слишком жидкая, – сказал Вукуб-Каме, бросая на Сирило снисходительный взгляд. Когда-то этот мужчина был сильным как бык, а теперь превратился в мешок костей.

– Конечно, конечно. Но я прикажу убить петуха, лошадь. У моего внука есть красивый жеребец...

– Замолчи. Я и забыл, какой ты глупый, – сказал Вукуб-Каме.

Он величественно поднял руку, заставляя старика закрыть рот, и посмотрел на сундук. Казалось, ничего не изменилось, – ровно такой же, каким он оставил его здесь. Может, ему показалось, что кто-то назвал его по имени?

– Я пришел посмотреть на кости моего брата, – сказал бог. – Открой сундук.

– Но Повелитель... вы говорили, что сундук нельзя открывать.

Безобидная, казалось бы, фраза вызвала возмущение на лице бога. Старик заметил это, встал с кровати, подошел к

сундуку и с удивительной скоростью провернул ключ в замке.

Сундук был пуст, ни единой кости не осталось.

Вукуб-Каме осознал, что его брат-чародей создал иллюзию, будто он все еще в своей темнице.

Обладая даром предвидения, бог уже знал об исчезновении брата. Причем еще до того, как услышал свое имя. Судьба позаботилась о том, чтобы Хун-Каме освободился. Судьба сильнее богов, и богам это не очень-то нравилось, поскольку у смертных больше шансов отклониться от намеченного пути. Всесильная Судьба решила, что однажды Хун-Каме освободится, хотя и не обозначила точный день. Вукуб-Каме внутренне готовился к этому. Теперь он встретится лицом к лицу со своим братцем, и не сказать, что его это сильно огорчило.

– Мой господин... я не понимаю, – пролепетал Сирило.

– Замолчи, – снова приказал Вукуб-Каме.

Бог стоял перед сундуком и смотрел на него. Сундук был сделан из железа и дерева, а боги Шибальбы не любили железо. Как и топор, отрубивший голову Хун-Каме, этот сундук был сделан руками смертных, но у него были кое-какие необычные свойства.

– Скажи мне, что здесь произошло? – повелел сундуку Вукуб-Каме.

Сундук застонал, дерево закрипело.

– Повелитель... Сундук открыла женщина и положила ру-

ку на кости. В ее палец вонзился осколок и оживил Хун-Каме. Они сбежали вместе...

– Куда?

– Т'хо, Белый город.

– И кто эта женщина?

– Кассиопея, внучка вашего слуги.

Вукуб-Каме повернулся к задрожавшему Сирило.

– Твоя внучка, – произнес бог.

– Я не знал... Клянусь, о господин... Глупая девчонка, мы думали, она сбежала с каким-то парнем, как и ее мать раньше. Ну и скатертью дорожка, подумали мы, эта шлюшка...

Вукуб-Каме посмотрел на свои руки. Ладони потемнели от ожогов, ожоги появились, когда он отрубал голову брату. Он страдал и трудился ради трона. Его брат не получит его.

– Ты должен найти ее. Найди и приведи ко мне, – приказал он.

– Повелитель, я бы так и поступил, но я... я не смогу. Я слаб и немощен... я постарел...

Вукуб-Каме с презрением взглянул на него. Как быстро-течна жизнь смертных! Конечно, эта развалина не может преследовать девчонку.

– Дайте подумать, дайте подумать... – бормотал старик, нашаривая рукой трость, стоявшую у кровати. – Да... у меня есть внук, господин. Он молод и силен, и к тому же хорошо знает Кассиопею. Он найдет ее и приведет к вам.

– Хорошо, – кивнул бог. – Я поговорю с ним.

– Сейчас же, сейчас же приведу его...

Сирило отправился за Мартином. Вукуб-Каме, оставшись один, провел рукой по крышке сундука. Теперь он физически ощутил отсутствие брата. Он не мог представить девушку, но легко представил Хун-Каме в темном костюме, какие носят смертные. Как его братец в этом странном костюме путешествует по стране.

Старик вернулся. С ним пришел молодой человек, похожий на Сирило в молодости.

– Этой мой внук, господин. Его зовут Мартин... Я попытался объяснить ему, кто вы и что вам нужно от него.

Вукуб-Каме повернулся к молодому человеку. Глаза бога были такими же белесыми, как и волосы, – цвета благовония, поднимающегося в воздух. Смотреть в них было тяжело, и Мартин устремил взгляд в пол.

– Мой брат и твоя кузина хотят навредить мне. Ты найдешь девчонку, и мы их остановим, – сказал бог. – Я знаю, куда они держат путь, и, несомненно, они попытаются вернуть кое-какие предметы, которые я спрятал.

– Я готов помочь, но ваш брат... сэр, он бог... а я всего лишь человек, – сказал Мартин. – Как я смогу это сделать?

Бог понял, что парень не обучен магии, не обучен ничему. Неподготовленный, как неограниченный драгоценный камень. Ничего, Сирило когда-то был таким же и все равно исполнил свою роль. К тому же, Вукуб-Каме почувствовал в этом едкую иронию судьбы. Внучка Сирило помогла его бра-

ту, а внук будет помогать ему самому. Мифы смертных полны таких совпадений, которые в действительности не являются совпадениями, как и сами мифы – сказками.

Вукуб-Каме снисходительно махнул рукой.

– Ты станешь моим посланцем, и я постараюсь помочь тебе в пути. Тебе не нужно делать ничего сложного, просто убеди ее встретиться со мной.

– И это все? – спросил Мартин.

– Возьми вот это.

Вукуб-Каме снял со среднего пальца тяжелое нефритовое кольцо и протянул смертному. Мартин засомневался, но взял кольцо и покрутил в руке. По всей поверхности были выгравированы черепа.

– Не снимай его, а когда захочешь вызвать меня, произнеси мое имя. Но предупреждаю, я не смогу появиться перед тобой в дневное время, и ты не должен звать меня по пустякам. Найдешь девчонку и убедишь встретиться со мной. Постарайся, чтобы мой брат не узнал о твоём присутствии.

– А ваш брат не заподозрит, что я слеую за ним?

– Будем надеяться, что нет. Я организую твоё перемещение, жди моих вестей.

Сирило попытался что-то сказать, но Вукуб-Каме заставил его замолчать. Он стоял перед молодым человеком и видел в его глазах страх, смешанный с гордостью. И ещё кое-что, самое главное.

– Я помог твоей семье стать состоятельной, после того как

мне помог твой дед. Сделай все как надо, и я возвышу тебя еще больше, чем твоего деда, – сказал он.

Мартину хватило ума кивнуть, но не заговорить.

– Подведешь меня, и я разобью тебя как горшок о тротуар, – заключил бог.

И снова Мартин кивнул.

* * *

Вукуб-Каме взмахнул плащом и вернулся в свое царство. Срединный мир раздражал бога, а пустой сундук, казалось, насмеялся над ним.

В своих покоях бог нарисовал на стене магический символ, и та отодвинулась, открывая проход в тайную комнату. В ней была крошечная темнота, но Вукуб-Каме произнес одно слово, и на стенах вспыхнули факелы.

На каменной плите лежал сверток из черной ткани, по краям украшенный геометрическими узорами. Вукуб-Каме развернул ткань, открывая взору железный топор, которым многие годы назад он замахнулся, отрубая голову брата. Лезвие и рукоять украшали символы власти. Выковать этот топор бог доверил смертному колдуну Анибалу Завала, поскольку ни один ремесленник Шибальбы не смог бы это сделать. В Подземном мире все оружие было сделано из обсидиана и жадеита. Железо – металл иноземцев. Оно могло пронзить тело бога, в отличие от крепкого гагатowego лезвия.

Топор, покрытый магическими символами, когда Вукуб-Каме сотворил расправу, обжог его, оставив шрамы на теле, но это была небольшая цена за царство. Сейчас он разглядывал оружие и, не касаясь, провел вдоль него рукой. И сразу почувствовал силу, заключенную в нем. Лезвие было по-прежнему острое и магия – еще действовала. Топор поможет преуспеть ему и во второй раз.

Вукуб-Каме был умен – части тела Хун-Каме он спрятал в разных местах. А также кое-что построил. Далеко на севере, в Нижней Калифорнии, его брата ожидала гробница, достойная бога.

Богов нельзя убить, но Вукуб-Каме нашел способ, точно так же как десятилетиями раньше нашел способ пленить соперника, – подвиг, о котором мало кто осмелился бы подумать.

Глава 6

Роскошное название Прогресо поначалу, казалось, никак не соответствовало портовому городку к северу от Мери-ды. На кривых улочках стояли дома из глины и камня, крытые пальмовыми ветвями. Но потом правительство провело между Меридой и Прогресо железную дорогу, установило телеграф, построило новый пирс. И город стал главным местом, через которое с полуострова вывозили юкатанскую коноплю *Хенекен*. В новом Прогресо здание муниципалитета было теперь с мраморными ступенями, а корабли – большие и маленькие – заходили и выходили из порта под завязку загруженные товаром. По сложившейся традиции, капитаны не отказывались взять на борт пассажиров, даже не спрашивая, почему им понадобилось так срочно уехать, – в Мексике для этого много причин.

Лоре договорился с капитаном судна, на котором уже не один год перевозили тюки юкатанской конопли и еще кое-какой левый товар. Кассиопея и Хун-Каме делили на двоих одну каюту с двумя койками. Белье было чистым, но, кроме раковины, стула и зеркала, из удобств больше ничего не имелось. На судне не было комнаты для курения и даже кают-компания – самый простой морской грузовичок.

– Здесь будет тесновато, – сказала Кассиопея.

– Поищем хорошее жилище в Веракрусе, – ответил Хун-

Каме, засовывая чемодан под одну из коек.

– Но ты и я... мужчина и женщина...

Назидания священника, мамы и дедушки, машинально повторенные ею, – вот что это было. *Аморально*. Даже остаться с мужчиной одной за закрытыми дверьми считалось аморальным.

– Я не человек, – равнодушно сказал Хун-Каме, сел на стул и положил руки на подлокотники. Он привык сидеть на троне, и поза была соответствующая.

Кассиопея взглянула на него и подумала, что выглядит-то он как мужчина. А если кто-то спросит, что сказать? *Нет, он бог, понимаете ли. Быть с ним не грех, хоть он и красив как демон.*

Если начать подсчитывать грехи... ох, тогда она точно влипла. На данный момент ей, наверное, придется прочитать пятьсот молитв с четками. Побег из дома, разговоры с демоном... нет, лучше не задумываться.

Чтобы отвлечься от мыслей о сердитом лице священника, девушка села на кровати и начала чистить апельсин. Она купила их целую сумку, пока они бродили по порту. Откуда ей знать, будут ли их здесь кормить.

– Хочешь один? – спросила она Хун-Каме. – Или ты не ешь?

– В Шибальбе мне не нужна подобная еда, но сейчас, пока я еще не стал самим собой, не откажусь.

– Ну, тогда бери.

Она протянула апельсин. Хун-Каме медленно взял фрукт и некоторое время просто держал его в руке, как будто не знал, что с ним делать. А ведь и правда не знал – взглянул на ее пальцы и начать очищать кожуру.

– Скажи, а как ты оказался в сундуке? – спросила девушка. Апельсиновый сок капал с ее подбородка, и она вытерла его тыльной стороной ладони.

– Из-за предательства.

– Из-за предательства? А как с этим связан мой дедушка?

– Смертные молились нам, слагали в нашу честь гимны, совершали жертвоприношения, сжигали благовония. Был целый культ, но потом они перестали это делать. Однажды твой дед сильно порезал руку, потекла кровь, и тут я услышал, что он произносит правильные слова, умоляет меня прийти. Мне стало любопытно, и я пришел. Самые большие жертвоприношения всегда были кровавыми, и я подумал, что увижу что-то необычное. К несчастью, это была ловушка. Твой дед работал на моего брата.

Снаружи раздались крики капитана, отдававшего команды перед отплытием. Якорь поднимется в любую минуту. Кассиопея не боялась воды, она ныряла в сеноты с раннего детства. Если бы пришлось ехать на поезде, возможно, она бы больше волновалась.

– Сколько ты провел в том сундуке? – спросила девушка.

– Пятьдесят лет. Твой дед был тогда молодым человеком.

– Ты знал о том, что происходит?

– Я спал, но это не сон смертных.

Она вспомнила рассказ Лоре – тот сказал, что боги не могут умереть, вместо этого они засыпают. Кассиопея нахмурилась.

– А сколько вас, богов?

– У меня одиннадцать братьев.

– Я еще не спрашивала, но... Я каждую неделю хожу в церковь и, ну... священник... он говорит, что если ты хороший, то попадешь прямо в рай. Но существует ли рай? Наверху один бог или множество?

Спрашивать об этом – тоже грех. Четыре, пять, есть ли разница? Ей просто хотелось знать.

Хотя Хун-Каме тщательно очистил апельсин, он его не ел – держал на ладони.

– *Чу'лель*, – сказал он. – Так называется священная жизненная сила, находящаяся вокруг тебя. Она везде – в ручьях, в смоле деревьев, в камнях... Она рождает богов, и боги принимают форму благодаря мыслям людей. Боги принадлежат месту, где *чу'лель* вышла наружу и дала им жизнь. Они не могут слишком удаляться от этого места. Бог твоей церкви не живет в этих землях, и он тоже может спать. Я не знаком с ним.

Кассиопея выплюнула косточки апельсина на ладонь. Под раковиной стояла корзина для мусора. Она встала и кинула туда косточки.

– Почему это он может спать? – спросила она.

– Молитвы и дары смертных питают богов, дают им силу. Но потом молитвы затихают, и *чу'лель* ослабевает, вот тогда боги могут заснуть. Но *чу'лель* может снова окрепнуть, и боги просыпаются.

Хун-Каме наконец положил дольку в рот. Если ему и понравился вкус, на лице это не отразилось. Кассиопея подумала, что еда богов, вероятно, намного соблазнительнее апельсина.

Она вспомнила историю Героев-близнецов, которую слышала от отца: победив повелителей Шибальбы, они объявили, что те больше не получают жертвенной крови. Интересно, боги тогда потеряли последователей или это произошло позже? Но сейчас ее волновали более насущные вопросы.

– Почему ты здесь, если тебе не молятся? Почему твой брат не спит? Почему вы вообще существуете?

– Есть особые источники силы, тайные места, где земля плодородна и сильна. Там боги и живут. Мои владения больше, чем у других, потому что сквозь небеса пронесся камень и расщепил океаны и саму землю. *Как но эк*. Кипящий поцелуй этому миру.

– Ты имеешь в виду астероид, – сказала Кассиопея, наконец понимая. – Ты родился из астероида...

Как глупо, что она сразу не уловила это из рассказа Лоре! Да, астероид. Она не обращала на них особое внимание, читая книги по астрономии. Ее больше интересовали далекие звезды.

– Так получается, весь космос наполнен богами? – спросила девушка.

– Ты хоть слушала меня? Богов рождает *чу'лель*, а форму дают нам смертные. Боги везде, где разлита сила.

Как кузница, подумала Кассиопея. Люди выковывают форму богов. И эти формы меняются. Сами боги незыблемы, а вот их образ может быть разным.

Ее мысли вернулись к астероиду, к куску камня, принесшего богов на Землю. Ну и как из камня мог появиться черноволосый бог? Потом ее посетила другая мысль.

– Так вот почему люди строили обсерватории и смотрели на звездное небо? Они хотели увидеть, откуда вы пришли? Или это вы подсказали им – смотреть на звезды?

– Какие забавные у тебя мысли, – заметил Хун-Каме, но не улыбнулся. Он, кажется, вообще не умел улыбаться. – Зачем мне небеса, если я живу под землей?

– А я люблю смотреть на небо, – призналась девушка.

– И что ты там видишь?

– Звезды. Бесконечность. Когда я смотрю на небо, мне кажется, что однажды я буду свободна.

Кассиопея не была романтической, но ее юность не позволяла ей быть прикованной к земле каждую секунду дня. Как и все девушки, она любила помечтать.

– Свободна от чего?

– Не знаю даже, как сказать... Мой дедушка ужасен. Я несколько не скучаю ни по нему, ни по дому, – призналась

Кассиопея. По матери она тоже не скучала. Просто события последних дней не оставляли ей времени для этого чувства. Но она понимала, что должна написать маме письмо. Ну или хотя бы открытку. Отправит ее из Веракруса.

– Значит, хорошо, что я спас тебя, – кивнул Хун-Каме.

– Спас? Ты не спасал меня, – возразила Кассиопея. – Это я открыла сундук. К тому же я всегда знала, что сбегу рано или поздно. Зачем мне ждать, пока меня освободит бог? Это было бы глупо.

– Для девушки без гроша за душой, которая понятия не имеет, что находится дальше километра от ее дома, ты кажешься весьма уверенной в себе.

– Ну, теперь рядом со мной бог, – засмеялась она.

– Советую тебе следить за языком, когда разговариваешь со мной.

Хун-Каме не казался рассерженным, но ей все равно не понравились его слова. Семья постоянно приказывала ей следить за языком, и было неприятно услышать это из его уст. Хм, из уст бога.

– Мой дедушка и кузен били меня по лицу, когда я дерзила им. Ты тоже будешь так делать? – спросила она не без вызова.

Бог как-то странно посмотрел на нее, пожалуй, с одобрением. Он не улыбнулся, но уголки его губ слегка приподнялись.

– Нет, не буду. Не думаю, что это поможет, раз их удары

не сломили твой дух. Достоинo, девушка. Мой брат тоже не сломил меня.

Кассиопея пожурила себя за то, что не прониклась его ситуацией. Возможно он бывал груб просто потому, что многие годы он ни с кем не разговаривал, будучи запертым в тесном сундуке. Жизнь поколотила ее, но она все еще помнила, что такое доброта.

– Мне жаль. Насчет того, что мой дед и твой брат сделали с тобой, – мягко произнесла девушка.

– Почему тебе жаль? – удивленно спросил бог. – Ты к этому не причастна.

– Да, но если бы я знала, то выпустила бы тебя намного раньше.

Его взгляд остановился на ней. Взгляд был одновременно и холодным, и обжигающим, пронизывая девушку насквозь. Она опустила глаза на складки юбки и почувствовала, что краснеет, – иногда с ней такое бывало.

– Ты благородна, каменная дева, – сказал он.

– Каменная дева? Почему ты так называешь меня? – спросила Кассиопея.

Бог казался озадаченным.

– Разве это не твое имя? Кассиопея Тун.

– А, моя фамилия... Да, конечно, она означает «камень».

– И разве ты не дева? – спросил бог.

На этот раз Кассиопея не просто покраснела, а вспыхнула. Будь это возможно, она бы заползла под кровать и в диком

смущении просидела там целый час.

– Кассиопея... лучше зови меня Кассиопея, – сказала она.

– Леди Кассиопея, – повторил он.

– Не леди. Кстати, зачем ты так назвал меня в доме Лоре?

Я чищу горшки по субботам и крахмалю одежду бабушки, какая я леди?

– Лоре не отличит леди от улитки. Я посчитал нужным поправить его.

– Но...

– Храбрость – величайшая из добродетелей, – сказал бог, вскинув указательный палец. – Ты храбра. Любая смертная, столкнувшись с моим внезапным появлением, испугается. А уж когда я сказал, почему вынужден взять тебя с собой... – Он не договорил. – Но ты вела себя достойно. Было бы очень неприятно таскать тебя повсюду в полуобморочном состоянии.

Последняя фраза все портила, но все же это был комплимент, и девушка кивнула.

– Буду звать тебя Кассиопеей, если хочешь.

– Было бы мило с твоей стороны.

Он откинулся на спинку стула и доел апельсин; его движения были четкими, когда он, не вставая с места, кинул кожуру в корзину. Кассиопея наблюдала за ним с интересом. Форму богам придают люди... Какой именно человеческий разум создал его? Неизвестная ей смертная посмотрела на небеса и подумала: «Волосы черные, как безлунная ночь...»

В том, что это была женщина, она не сомневалась. А кто дал ему имя?

– Хун-Каме, – сказала Кассиопея, словно пробуя имя на вкус.

Он высокомерно вскинул бровь и поправил:

– Повелитель Шибальбы.

– Но я не могу повсюду звать тебя так. Думаешь, если мы окажемся на улице, я смогу крикнуть: «О Повелитель Шибальбы, подойди сюда»?

– Я не собака, чтобы ты меня подзывала, – холодно возразил он.

Кассиопея фыркнула, но звук застрял у нее в горле. Она поцарапала апельсин ногтем.

Бог молчал, и девушка решила, что остаток поездки они проведут в тишине, как во время путешествия в Мериду, а потом в Прогресо. Ее спутник скупой дарил слова, словно драгоценные камни, наверное, считая, что она недостойна их. Она, в свою очередь, тоже не привыкла много разговаривать, ведь в кругу семьи приходилось утаивать свои мысли. Приходиться-то приходилось, но иногда ей хотелось поболтать.

– Наверное, ты права, – произнес Хун-Каме, удивив ее.

– Что? – вскинула она голову.

– Можешь звать меня Хун-Каме, пока мы в Срединном мире.

– Очень щедро с твоей стороны, – с сарказмом заметила

девушка.

– Да, возможно.

Девушка не смогла сдержать смешок.

– Ты совсем не обладаешь чувством юмора, да?

– Как бы мне это помогло?

Его голос прозвучал сухо, но Кассиопея поняла, что остаток поездки пройдет не только за молчаливыми взглядами. Она путешествовала впервые в жизни, и ей не очень хотелось притворяться монахиней, принявшей обет молчания.

– Ты дашь мне еще апельсин? – спросил бог.

Кассиопея кивнула и кинула ему золотистый фрукт. Бог поймал его левой рукой.

Команда закончила закреплять тюки, якорь был поднят, и судно покинуло Прогресо, направляясь в Веракрус. Кассиопея даже не поняла, когда это произошло, так увлеклась разговором.

Глава 7

– Достань мне бренди из буфета, – приказал Сирило.

Мартин открыл буфет, в котором хранились самые любимые дедушкины напитки. Здесь также стоял невероятно дорогой набор бокалов с графином, украшенный шестигранниками и стилизованными папоротниками. Сирило говорил, что Мартин получит его в качестве подарка на свадьбу.

Он налил бокал и передал старику. Сирило забрался обратно в постель, закрыл ноги одеялом и стал медленно потягивать бренди. Обычно Мартина не приглашали разделить стаканчик спиртного на ночь, но юноша был так потрясен, что, не спрашивая разрешения, налил бокал и себе.

Он сел на стул рядом с кроватью и засмеялся.

– Черт побери. Черт побери...

– Следи за своим богохульным языком, – поморщился дед.

– Прости, но я только что встретился с богом, – огрызнулся Мартин.

Несмотря на дерзкий тон, он устоял в пол, не в силах заставить себя посмотреть на старика. Как и все в доме, он видел в Сирило каменного идола, которому нужно во всем подчиняться, чтобы не вызвать гнев.

– Почему ты не рассказал мне об этом? О Повелителе Подземного мира, о сундуке, наполненном костями, вообще

ни о чем... – Мартин чувствовал себя обманутым.

– Я думал, что ты не готов. И считал, что у меня больше времени.

Старик был нестигаем. Его глаза сияли ярко, а зубы, пожелтевшие от времени, оставались острыми.

– Ну... теперь-то расскажешь?

– Чего ты хочешь, Мартин? Сказку на ночь?

– Объяснения.

– Что здесь объяснять?

Сирило завозился, устраиваясь поудобнее, затем жестом попросил внука помочь. Нахмурившись, Мартин подложил еще одну подушку под спину старика.

– Так все же, – продолжил он, надеясь, что старик соизволит ответить.

Сирило казался раздраженным, но все равно заговорил.

– Я был никем, без всяких перспектив, жил как мог, в чужие дела не лез, но однажды ко мне пришла эта женщина. Она была прекрасна, и она сказала, что я родился в подходящий день подходящего месяца.

– Подходящего для чего?

– Для магии. Чтобы поймать бога в ловушку.

– И ты согласился?

– Не сразу. Сначала я подумал, что она безумная. Но потом они пришли всей компанией. Пара колдунов – братья Завала. И, конечно, Вукуб-Каме. Они плели интриги против Повелителя Шибальбы.

– И что дальше? – спросил Мартин.

– А ты как думаешь? Я сыграл свою роль. Она была проста. Мне нужно было послужить наживкой, а они разобрались со всем остальным. Отрубили ему голову, засунули тело в ящик, – старик дважды щелкнул пальцами. – Налей мне еще.

Мартин подчинился, встал и наполнил дедушкин бокал.

– Но зачем им было оставлять сундук у тебя? Здесь? в Укумиле?

– Вукуб-Каме, пусть простит, что я называю его имя, не мог забрать сундук с собой. Хун-Каме был Владыкой Шибальбы, и земля – его мать. Так что закопать его было невозможно. Срединные земли совсем другое. Сундук должен был оставаться на поверхности.

Сирило смочил губы бренди и продолжил:

– Он мог бы отдать сундук одному из помощников, но не стал – бог доверил его мне. Укумиле тихий городок, и я думал, что здесь сундук в полной безопасности. Так и было, если б не твоя кузина.

– Но ты мог бы позаботиться о сундуке получше, – заметил Мартин.

На мгновение ему показалось, что дед сейчас встанет с кровати и отдубасит его тростью, как делал в детстве. А что, он на такое способен. Но вместо этого старик лишь сердито взглянул на него.

– Я сделал все, что мог. Первые два года я спал с дробови-

ком у кровати, на случай, если кто-то вломится ночью. Я все время следил за этой чертовой штукой. Годы, однако, шли, и стало очевидно, что никто не собирается приходить за сундуком.

Дед со стуком поставил бокал на тумбочку, словно это была дешевая кружка из грубой глины.

– Новый Повелитель навевался ко мне на протяжении первых пары лет. Не знаю, позлорадствовать или еще за чем. Но потом он перестал навещать меня, и через какое-то время... ну, лет через десять я начал думать, что мне все это приснилось.

– Приснилось, – повторил Мартин.

– Да, я так и сказал. И я ни разу не открывал этот чертов сундук, так что не мог освежить свою память.

– Может, лучше было открыть?

– О некоторых вещах лучше не знать, и к тому же это больше не имело значения. Настоящее... Фальшивое... Моя жизнь была такой, какой была.

Мартин, несмотря на то, что его воображение было весьма ограничено, понял деда. Стоит себе сундук и стоит – чего любопытствовать? Его интересовало другое:

– На что ты обменял свою помощь?

– А ты как думаешь? – Сирило обвел рукой пространство. – Все вот это. Я был никем, и вдруг получил всё.

– Мог бы и мне рассказать.

– Рассказать? О том, что я поверил в колдовство и даже

поучаствовал во всем этом? Знаю я вас, гадюк, вы поймали бы меня на этом.

Мартин подумал о своих тетках и отце. Действительно, они могли бы засадить Сирило в дом умалишенных, появившись такой шанс. Его отец был мягким и послушным, но он никогда не ладил со стариком. Что касается сестер Мартина, их мужей и целой своры кузин, то все они готовы были перегрызть друг другу горло, а уж Сирило тем более. Помрет – получают наследство.

– Ну, – сказал он, – ничего хорошо из твоего молчания не вышло. Из-за этой предательницы. Ты приблизил ее, пускал в свою комнату, а она даже не настоящая Лейва.

– Именно поэтому у нее и был доступ в комнату. Думаешь, я мог бы доверить заботу о себе такому беспечному шалопаю, как ты, Мартин? – усмехнулся старик. – Но сейчас ты должен собраться. Семья нуждается в тебе, спасай ее.

– Я готов, – ответил Мартин.

– Только постарайся не испортить все, как обычно.

Мартину не понравился взгляд, которым одарил его дед. Старик не испытывал к нему добрых чувств, что совсем не удивительно – этой развалине не угодишь. Но почему он судит его так строго?

– А что я испортил? Я всегда делал так, как ты говорил, – запротестовал Мартин.

– Послушай, мальчик, – Сирило потянулся за тростью, стоявшей в изголовье, и с силой ударил ею о пол. Мартин

вздрогнул. – Ты можешь считать, что я жесток или груб, но ты не знаешь *его*.

Мартин вспомнил Вукуб-Каме. Когда дед разбудил его и приказал одеваться, объяснив, что у них божественный гость, он решил, что старик сошел с ума. Сирило прав, такие откровения могут довести до сумасшедшего дома. Но один взгляд на этого незнакомца, и пришлось признать, что у человека не может быть ни таких глаз, ни таких волос. Да и комната словно мерцала от силы, исходившей от него.

– С ним твои дурачества не пройдут. Ты должен служить ему, и служить хорошо. Низко кланяйся, правильно обращайся, лести и прежде всего делай, как он велит, чтобы нас всех не прокляли.

– Прокляли?

– Да. Что, по-твоему, будет, если Вукуб-Каме потерпит поражение, если его брат вернет трон? Хочешь быть нищим, вымаливающим монеты по углам? Или, хуже того, служить Кассиопее? Представь, что будет, если Хун-Каме наградит ее и накажет нас.

Мартин запаниковал при мысли, что кузина вернется в Уукумиле и в отместку за старое выбросит все его дорогие ботинки, все его ремни с серебряными пряжками и даже, о боже, серебряный портсигар.

– Ладно, ладно, – сказал он, нервно проводя рукой по волосам. – Тогда расскажи, как мне обращаться к нему, и все остальное, что ты знаешь.

Не выпуская трости, Сирило начал наставления.

Глава 8

Каждый штат, а иногда каждый город зарабатывает себе определенную репутацию. Жители Мехико высокомерные и грубые. В Халиско живут храбрецы, а жители Веракруса веселые и жизнерадостные. Реальность и слухи не всегда совпадают, но Веракрус действительно был счастливым городом. В 1925 году, то есть двумя годами ранее, местные власти впервые устроили тут Карнавал.

О, карнавалы проводили и раньше, несмотря на недовольство Церкви. Но то было нерегулярное событие. Спонтанное – раз, и провели. Но теперь все было по-другому. Теперь Карнавал взяли под свое крыло общественные деятели, которые усмотрели в нем возможность привить полезные постреволюционные ценности. Газеты наперебой писали, что это праздник для «всех социальных классов», а заодно превозносили красоту женщин, «наполненную мягкостью и тихой грацией». Раньше тех, кто любил потанцевать, называли проститутками и показывали на них пальцем, а теперь женщины выходили на улицы с плакатами, протестуя против цен на аренду жилья. Профсоюзы были заняты агитацией рабочих, и вместе они поднимали шумиху, если что-то было не так. Но Карнавал сгладил все различия, объединил людей, порадовав организаторов. И что важнее всего, на нем можно было заработать деньги.

Кассиопея и Хун-Каме прибыли в Веракрус за день до Карнавала. Это значило, что отели трещали по швам и было трудно найти приличные номера. Пораспрашивав тут и там, они смогли отыскать готовый принять их пансион, но тот был в весьма запущенном состоянии.

– У меня есть две комнаты, а так как я не вижу колец на ваших пальцах, думаю, это именно то, что вам нужно, – хозяйка пансиона ядовито прищурилась. – У нас достойное заведение, и я не позволю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.